

Впервые на русском языке!
Долгожданное завершение трилогии «Штамм»!

Гильермо дель Торо • Чак Хоган

ШТАММ

18+

Книга 3. ВЕЧНАЯ НОЧЬ

Штамм

Чак Хоган

Штамм. Вечная ночь

«Азбука-Аттикус»

2011

Хоган Ч.

Штамм. Вечная ночь / Ч. Хоган — «Азбука-Аттикус»,
2011 — (Штамм)

Уже два года мир находится под властью вампиров, которые перекроили его ради собственного выживания. На земле царит постоянная тьма, и лишь в течение двух часов слабый солнечный свет пробивается сквозь отравленную атмосферу. Большинство людей рассматриваются в качестве источника питания и содержатся как скот в специальных лагерях по переработке. Однако и в этих ужасающих обстоятельствах горстка отчаянных храбрецов продолжает почти безнадежное сопротивление, не зная, что они всего лишь пешки в вечной борьбе добра и зла... Гильермо дель Торо, режиссер оscarоносного фильма «Лабиринт фавна» и культовых фильмов о Хеллбое, и Чак Хоган, лауреат премии Дэшила Хэммета, объединили свои усилия для дерзкого обновления вампирской темы. Премьера американского телесериала по трилогии «Штамм» состоялась в июле 2014 года.

© Хоган Ч., 2011

© Азбука-Аттикус, 2011

Содержание

Пепельный дождь	6
Отрывок из дневника Эфраима Гудвезера	6
Келтон-стрит, Вудсайд, Куинс	9
Вудсайд	14
«Фаррелл»	16
Манхэттен	21
Подземка на Двадцать восьмой улице	31
Больница «Бельвью»	34
Центральный парк	37
Владыка	44
Остров Рузвельта	48
Первая интерлюдия	52
Лагерь «Свобода»	57
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Гильермо дель Торо, Чак Хоган

Вечная ночь

*Моим родителям. Теперь я знаю, какая нелегкая ноша лежала на
ваших плечах...*

ГДТ

Шарлотте навсегда.

ЧХ

Guillermo Del Toro, Chuck Hogan

THE NIGHT ETERNAL

Copyright © 2011 by Guillermo Del Toro and Chuck Hogan

All rights reserved

© Г. Крылов, перевод, 2015

© Издание на русском языке. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2015

Издательство АЗБУКА®

* * *

Чертовски хорошее чтение, наполненное убедительными страхами.

Стивен Кинг

Талант дель Торо к созданию фантастических, жутких персонажей
совершенно очевиден.

Metro

Гильермо дель Торо и Чак Хоган сочинили жуткую историю... «Штамм»
– это и Брэм Стокер, и Стивен Кинг, и Майкл Крайтон, но – вместе взятые!

Нельсон Демилл

Кровь и апокалипсис смешались в жуткой истории, которая
воспринимается так, будто сорвана со страниц сегодняшних газет. Живо
написанный и беспощадно усиливающий напряжение «Штамм» завораживает
и ужасает.

Джеймс Роллинс

Книга, от которой невозможно оторваться. История, которую
невозможно забыть.

Клайв Касслер

Великолепный образец ухода от действительности.

The Times

Почти безупречный роман ужасов.

News of the World

Увлекательно и мастерски сработано.

Guardian

Пепельный дождь

Отрывок из дневника Эфраима Гудвезера

На второй день тьмы всех их согнали в кучу. Лучших и умнейших – всех, кто имел власть, богатство и влияние.

Законодатели и топ-менеджеры, магнаты и интеллектуалы, мятежники и лидеры общественного мнения. Никто не избежал своей участи – все были убиты, уничтожены. Их казнили публично, быстро и жестоко.

Если не считать нескольких специалистов от каждой отрасли, всех вождей, всю элиту истребили. Их выводили из «Ривер-хауса», «Дакоты», «Бересфорда»¹ вместе с детьми и домашними. Всех их арестовали и согнали на места массовых собраний народа соответствующих метрополий по всему миру: на Национальную аллею в Вашингтоне, на Нанкинскую улицу в Шанхае, на Красную площадь в Москве, на Кейптаунский стадион, в Центральный парк Нью-Йорка. Там были устроены театрализованные гекатомбы, на которых покончили со всеми.

Сообщалось, что более тысячи стригоев буйствовали на Лексингтон-авеню, они прочесали все здания вокруг парка Грамерси. Вампиров не интересовали ни деньги, ни привилегии. Мягкие ручки с наманикюренными пальчиками молили о пощаде. Но подергивающиеся тела повисли на всех фонарных столбах по Мэдисон-авеню. На Таймс-сквер горели жертвенные костры высотой в шесть метров, поджаривая изнеженную плоть. Запах стоял словно от барбекю, сжигаемая элита Манхэттена освещала пустые улицы, закрытые магазины – **ВСЕ ДОЛЖНО БЫТЬ УНИЧТОЖЕНО** – и безмолвные диодные мегаэкраны.

Владыка точно рассчитал необходимое число вампиров для поддержания их господства без истощения запасов крови, подойдя к этому делу методологически и воистину как великий математик. Стариков и больных отобрали и уничтожили – очищение и государственный переворот одновременно. Всего за отрезок времени в семьдесят два часа (получивший впоследствии название «Ночь обнуления») была умерщвлена приблизительно треть человечества.

Орды вампиров захватили власть в городе. Полиция, спецназ, армия США – все были смяты монстрами. Тех, кто подчинился, сдался, оставили в качестве охранников и зрителей.

План Владыки увенчался блистательным успехом. На беспощадный дарвинистский манер он отобрал тех, кто демонстрировал податливость и умение приспосабливаться. Его растущая сила была воистину устрашающей. После уничтожения Патриархов его контроль над располдом – а через него и над миром – упрочился и стал более изощренным. Стригои уже не бродили по улицам, как бесноватые зомби, не нападали на людей и не кормились кому как вздумается. Их перемещения теперь координировались. Как у пчел в улье или муравьев в муравейнике, у каждого появилась своя роль и обязанности. Они стали глазами Владыки на улицах города.

Поначалу день исчез вовсе. Можно было видеть лишь несколько секунд блеклого расцвета, когда солнце достигало зенита, в остальное же время стояла полная темнота. Теперь, по прошествии двух лет, солнце проникало сквозь отравленную атмосферу уже на два часа в день, но его тусклый свет был ничуть не похож на солнечные лучи, обогревавшие когда-то землю.

Стригои, словно пауки или муравьи, были повсюду – следили, чтобы оставшиеся в живых соответствовали своему назначению...

¹ «Ривер-хаус», «Дакота», «Бересфорд» – элитные жилые комплексы на Манхэттене. (Здесь и далее прим. перев.)

Но более всего потрясало то, что жизнь практически не изменилась. Владыка набрал силу за счет хаоса, воцарившегося в обществе в первые дни. Лишившись самого необходимого (еды, чистой воды, канализации, служб охраны порядка), население от страха впало в такой ступор, что, когда основы инфраструктуры были воссозданы и реализована программа пищевых пайков, а восстановленная электросеть рассеяла тьму долгих ночей, люди отреагировали благодарностью и покорностью. Скоту, чтобы сдаться окончательно, требовалось вознаграждение в виде порядка и заведенного раз и навсегда режима бытия – этих ясных и определенных основ власти.

Большинство систем начали функционировать менее чем через две недели. Вода, электроэнергия, кабельное телевидение, радиовещание – все это вернулось, но без рекламы. Спортивные известия, новости – все как прежде. Ничего нового не появилось. И... людям это понравилось.

В этом новом мире одной из важнейших проблем стало быстрое перемещение, потому что личные автомобили практически исчезли. Машины, будучи потенциальными бомбами, в новом полицейском государстве оказались под запретом. Их конфисковали и уничтожили. Все средства передвижения на улицах теперь принадлежали общественным службам – полиции, пожарным, санитарному департаменту. Эти организации вновь стали функционировать, на работу приняли тех из оставшихся в живых, кто согласился подчиняться установленному порядку.

Самолеты, как и машины, пошли в утиль. Единственный действующий воздушный флот принадлежал многонациональной корпорации «Стоунхарт» – Владыка, захватив планету, искусно воспользовался возможностями концерна в сфере распределения продуктов питания, электроэнергии и в военной промышленности. Оставшийся воздушный флот составлял приблизительно семь процентов от того, что бороздил небесные просторы прежде.

Серебро, объявленное вне закона, ходило только в торговых монетах, которые пользовались огромным спросом и обменивались на купоны или пищевые баллы. При достаточном количестве торговых монет человек даже мог выкупить себя или своих близких с фермы.

Единственной абсолютной диковиной в этом новом мире были фермы. И еще – полное отсутствие какой-либо системы образования. Больше никаких школ, никакого чтения, никаких мыслей.

Загоны и бойни работали двадцать четыре часа в сутки семь дней в неделю. Обученные надзиратели и пастухи поставляли стригоям необходимые питательные вещества. Быстро возникла новая классовая система – система биологических каст: стригои предпочитали кровь третьей группы с положительным резус-фактором. Их устраивала любая, но третья положительная давала дополнительные преимущества – как разные сорта молока – и лучше сохраняла вкус и качество вне организма, а также была удобнее при фасовке и хранении. Люди с другими группами крови стали рабочими, фермерами, настоящей чернью. Носители третьей группы с положительным резус-фактором являли собой истинную мраморную говядину. Их холили, предоставляли им различные преимущества, в том числе в питании. Им даже давали в два раза больше времени, чем всем остальным, понежиться в ультрафиолетовых боксах, чтобы увеличить в крови выработку витамина D. Их распорядок дня, гормональный баланс и, самое главное, размножение систематически регулировались в угоду спросу.

Так и текла жизнь. Люди ходили на работу, смотрели телевизор, ели, спали. Но в темноте и тишине плакали, ворочались с боку на бок, прекрасно понимая, что их знакомые, их родные – даже те, кто делил с ними постель, – могут внезапно исчезнуть в чреве бетонного сооружения ближайшей фермы. И они кусали губы и рыдали, потому что иного выбора не существовало – только подчиниться. К тому же у них на руках всегда кто-то был: родители, сестры и братья, дети. Всегда находился кто-нибудь, кто давал им лицензию на страх, благодать трусости.

Кто бы мог подумать, что мы с мучительной ностальгией будем вспоминать бурные девятые и ранние нулевые? Времена нестабильности, политической убогости и финансовых афер, предшествовавшие крушению мирового порядка, казались золотым веком в сравнении с тем, что наступило. Все то, чем мы были, исчезло; все социальное устройство и миропорядок, как их представляли наши отцы и деды, перестали существовать. Мы стали стадом. Скотом.

Те из нас, кто все еще жив, но не влился в систему, стали аномалией. Мы черви. Падалящии. Нас преследуют.

И у нас нет ни малейшей возможности дать отпор...

Келтон-стрит, Вудсайд, Куинс

Издалека донесся крик, и доктор Эфраим Гудвезер, дернувшись, проснулся. Он заметался на диване, перевернулся на спину и сел одним быстрым, резким движением, затем ухватился за кожаную рукоять меча, торчащую из сумки на полу у дивана, и рассек воздух запевшим серебром.

Боевой клич, хриплый и искаженный беглец из его ночных кошмаров, в одно мгновение пресекся. Клинок подрагивал, не встретив врага.

Эф был один.

В доме Келли. На ее диване. Среди знакомых вещей.

В гостиной бывшей жены. Разбудил его не крик, а вой сигнализации вдали, преобразованный спящим мозгом в человеческий вопль.

Ему снова снился сон. Сон о пожаре и фигурах (неопределенных, но отдаленно напоминающих человеческие), возникших в ослепительном свете. Он спал, и эти фигуры сражались с ним, прежде чем все поглотил свет. Эф всегда просыпался издерганным и изможденным, словно физически сражался с врагом. Этот сон возникал из ниоткуда. Иногда ему снилась обычная жизнь (пикник, пробка на дороге, рабочий день в офисе), а потом яркий свет поглощал все. И возникали серебристые фигуры.

Эф вслепую хватался за свою оружейную сумку – переделанный баул для бейсбольного снаряжения, который он утащил много месяцев назад с высокого стеллажа разграбленного спортивного магазина на Флэтбуш-авеню.

Он в Куинсе. Все в порядке. В порядке.

Реальность возвращалась в сопровождении первых мук иссушающего похмелья. Эф снова напился, снова вырубился. Начало очередного опасного запоя.

Он убрал меч в оружейную сумку, потом откатился назад, держа руками голову, словно расколотую хрустальную сферу, которую осторожно поднял с пола. Волосы на ощупь были какие-то необычные, напоминали проволоку, голова пульсировала.

«Ад на земле. Верно. Территория проклятых».

Реальность, дрянная сука. Его разбудил ночной кошмар. Он все еще жив и все еще человек. Не много, но рассчитывать на большее не приходится.

«Еще один день в аду».

Последним фрагментом сна, зацепившимся за его сознание, как липкая плацента, был образ Зака, который купался в обжигающем серебряном свете. На сей раз точка возгорания находилась вне его.

«Папа...» – сказал Зак и встретился взглядом с Эфом... и тут свет поглотил все.

От этих воспоминаний мурашки побежали по коже. Ну почему в своих снах он не может найти отдохновения от этого ада? Разве не для этого существуют сны? Чтобы уравновесить жуткую реальность побегом в иной, прекрасный, мир? Чего бы он только не отдал за чистое сентиментальное воспоминание, за ложку сахара для его разума!

Эф и Келли только что закончили колледж, бродят по блошиному рынку рука об руку в поисках дешевой мебели и всяких безделушек для их первой квартиры...

Зак только-только начинает ходить, топает по дому, маленький хозяин в памперсах...

Келли, Эф и Зак за обеденным столом – сидят, сложив руки перед полными тарелками, ждут, когда Зи продерется через мучительно длинную предобеденную молитву...

Так нет же, сны Эфа представляли собой порнофильмы, заканчивающиеся реальным убийством. Людей из его прошлого – врагов, знакомых и друзей, всех вместе – отслеживают и забирают на его глазах, а он не в силах дотянуться до них, помочь им. И даже отвернуться не может.

Эф сел, замер на несколько мгновений, потом поднялся, опираясь рукой о спинку дивана. Он направился к окну, выходящему на задний двор. Неподалеку находился аэропорт Ла Гуардиа. Теперь вид летящего самолета, далекий рев двигателей вызвали бы разве что недоумение. В небе нынче не кружили огни. Эф вспомнил 11 сентября 2001 года: какой сюрреалистичной казалась тогда пустота в небе и каким странным облегчением стало возвращение самолетов в небеса неделю спустя. Теперь облегчения не наступало. Жизнь более не возвращалась в нормальное русло.

Эф никак не мог понять, который теперь час. Предположительно утро уже наступило, судя по суточному биоритму, все чаще подводившему Эфа. Настало лето, – по крайней мере, по старому календарю, – а потому жаркое солнце уже должно было стоять высоко над горизонтом.

Но в небе царил тьма. Естественный порядок смены дня и ночи нарушился, видимо, навсегда. Солнце не могло пробиться сквозь тяжелый пепельный занавес. Новая атмосфера состояла из пыли, образовавшейся после ядерных взрывов и вулканических выбросов, распределенных по всей планете: зеленовато-голубая шарообразная конфетка в оболочке из ядовитого шоколада, преобразовавшегося в плотную корку, которая закупирила Землю в темном и холодном пространстве и изолировала ее от Солнца.

Вечная ночь. Планета превратилась в бледный разлагающийся потусторонний мир, где господствовали лед и мучения.

Идеальная среда обитания для вампиров.

Судя по сообщениям очевидцев сразу после катастрофы, – любые новости давно уже цензурировали, поэтому сведениями обменивались тайно, как порнофильмами, на интернет-площадках, – так обстояли дела по всей планете. Свидетели докладывали о потемнении неба, о черных дождях и зловещих облаках, срастающихся в тучи, которые уже не рассеиваются. Теоретически, с учетом вращения планеты и розы ветров, полюса – покрытые льдом север и юг – оставались единственными местами на земле, куда регулярно, в зависимости от сезона, поступал солнечный свет... хотя наверняка этого никто не знал.

Выпадение радиоактивных осадков от ядерных взрывов и последствий разрушения ядерных реакторов поначалу было очень интенсивным, а в центрах взрывов – катастрофичным. Эф и остальные почти два месяца провели под землей в железнодорожном туннеле под Гудзоном, а потому не подверглись воздействию наиболее активных осадков. Экстремальные метеорологические условия и атмосферные ветра распределили ущерб равномерно по большим площадям, что, вероятно, снизило уровень радиоактивности; осадки были смыты ливнями, вызванными резким изменением экосистемы, что еще больше рассеяло радиацию. Уровень радиоактивности спадает экспоненциально, и в краткосрочной перспективе – приблизительно через шесть недель – площади, не подвергшиеся прямому воздействию ядерного взрыва, становятся безопасными для перемещения и проведения окончательной дезактивации.

Что касается долгосрочной перспективы, то последствиям только предстояло проявиться. Оставалось неясно, как бедствие повлияло на детородную функцию, какие произошли генетические мутации, насколько возросла канцерогенность. Но эти очень важные проблемы отесняла на второй план текущая ситуация: два года спустя после ядерной катастрофы и завоевания мира вампирами оставшихся в живых больше волновали дела насущные.

Сигнализация смолкла. Охранные системы, имевшие целью отпугивать незваных гостей в человеческом облике и звать на помощь, все еще срабатывали, хотя теперь гораздо реже, чем в первые месяцы, когда они были часто и настойчиво – настоящие крики агонии умирающего рода. Еще одно свидетельство заката цивилизации.

В отсутствие охранной системы Эф включал собственные уши. Вампиры проникали в дома через любое отверстие – залезали в окна, поднимались из сырых подвалов, спускались с пыльных чердаков, и ты нигде не мог чувствовать себя в безопасности. Даже недолгие светлые часы – при мрачном сумеречном свете пристанище приобретало болезненно-янтарный

оттенки – таили многочисленные опасности. Светлые часы были запретными для выживших людей. Наилучшее время для передвижения Эфа и остальных (когда опасность прямого столкновения со стригоями сходилась на нет) становилось также и наиболее опасным из-за постоянного наблюдения и людей-коллаборационистов, которые не упустили бы возможности улучшить свое положение.

Эф прижался лбом к окну: стекло приятно охлаждало кожу и умирало пульсацию в черепе.

Понимание – вот что было хуже всего. Осознание безумия вовсе не сделает тебя менее безумным. Понимание того, что ты тонешь, не принесет спасения, а лишь утяжелит бремя паники. Страх за будущее и воспоминание о лучшем, ярком прошлом были для Эфа не меньшим источником страданий, чем само нашествие вампиров.

Ему требовалась еда, подпитка. Ничего в доме не осталось – он съел всю пищу, выпил все спиртное много месяцев назад. Даже нашел припрятанные шоколадки в чуланчике Мэтта.

Эф отошел от окна, повернулся к комнате и кухне, попытался вспомнить, как попал сюда и зачем. Он увидел на стене отметины в том месте, где когда-то кухонным ножом отрезал голову сожителю своей бывшей жены, отправив на тот свет недавно обращенное существо. Это случилось в первые дни бойни, когда убийство вампира пугало не меньше, чем обращение в одного из них. Даже учитывая, что этот самый вампир, любовник его бывшей жены, будучи человеком, претендовал на место Эфа в жизни Зака.

Но затычка человеческой морали давно уже рассосалась. Мир изменился, и доктор Эфраим Гудвезер, в прошлом ведущий эпидемиолог Центра по контролю и профилактике заболеваний, тоже изменился. Вирус вампиризма колонизовал человеческий род. Зараза начисто разрушила цивилизацию серией эскападов поразительной болезнетворности и беспощадности. Те, кто противился этой чуме, – люди сильные, негибкие, со стержнем – были по большей части уничтожены или обращены; остались робкие, побежденные и слабые, готовые исполнять приказы Владыки.

Эф вернулся к оружейной сумке. Из узкого кармана на молнии, предназначенного для перчаток бэттера или головных повязок, он вытащил помятый блокнот в твердом переплете. Он теперь ничего не помнил, если не записывал в этот издававший звуки дневник. А записывал он все – от вещей абстрактных до весьма приземленных. Он должен был записывать все. Эф чувствовал в этом потребность. Дневник его, по существу, представлял собой длинное письмо сыну, Заку. Он хотел оставить единственному сыну отчет о своих поисках. О своих наблюдениях за вампирами и о теориях, связанных с вампирской угрозой. И, будучи ученым, он просто фиксировал параметры и явления.

В то же время записи, как полезное упражнение, помогали сохранить некоторое подобие здравомыслия.

За последние два года почерк настолько ухудшился, что Эф нередко и сам не мог разобрать свои каракули. Каждый день он ставил дату, потому что без календаря только так можно было безошибочно вести счет времени. Впрочем, это имело значение лишь для одного дня.

Эф нацарапал дату, и тут сердце у него екнуло. Конечно же! Вот оно! Вот для чего он пришел сюда!

У Зака день рождения. Тринадцать лет.

* * *

«ЗА ЭТОЙ ЧЕРТОЙ МОЖЕШЬ И НЕ ВЫЖИТЬ», – предупреждала самодельная табличка на двери. Текст был проиллюстрирован надгробиями, скелетами и крестами, все – совсем еще детской рукой. Зак смастерил эту табличку лет в семь или восемь. В детской прак-

тически ничего не изменилось с того времени, когда мальчик жил здесь, как и в комнатах пропавших ребят повсюду, – знак того, что в сердцах их родителей время остановилось.

Эф все время возвращался к этой спальне, как ныряльщик возвращается к затонувшему кораблю. Тайный музей; комната, сохранившаяся в том виде, какой имела прежде. Окно в прошлое.

Эф опустился на кровать и почувствовал, как привычно она просела под ним, услышал ее успокоительный скрип. Он осмотрел все в этой комнате, все, к чему прикасался его сын в прежней жизни. Теперь хранителем детской был Эф, он знал каждую игрушку, каждую фигурку, каждую монетку, каждый шнурок, каждую футболку и книгу.

Он гнал от себя мысль, что погряз в воспоминаниях. Люди ходят в церкви, синагоги и мечети не потому, что погрязли в религии, – они приходят туда в знак своей веры. Спальня Зака стала чем-то вроде храма. Здесь, и только здесь, покой сходил на Эфа, здесь крепла его уверенность.

Зак все еще жив.

Это не предположение. Не слепая надежда.

Эф знал, что его мальчик все еще жив и что он не обращен.

В прошлые времена родители пропавшего ребенка обращались в соответствующие институты – так тогда было заведено. У них были такие блага, как розыскной отдел полиции и уверенность, что сотни – если не тысячи – людей переживают их беду как свою и активно способствуют розыску.

Но эта пропажа произошла в мире, где не существует полиции, не существует человеческих законов. И ко всему прочему Эф знал, кто украл Зака. Существо, которое раньше было его матерью. Она осуществила похищение, будучи лишь игрушкой в руках еще более крупного злодея.

В руках короля вампиров, Владыки.

Но Эф не знал, зачем похитили Зака. Чтобы причинить боль ему, Эфу? Конечно. Чтобы удовлетворить потребность немертвой матери в свидании с «близкими» – существами, которых она любила при жизни? Коварное свойство вируса состояло в том, что он распространял вампирскую, извращенную версию человеческой любви. Вампиры обращали объект своей любви в стригоя, привязывали его к себе навечно, обрекая на жизнь, в которой нет тягот и испытаний обычных человеческих существ, а есть только потребность питаться, распространяться, выживать.

Вот почему Келли (существо, когда-то бывшее ею) так заиклилась на мальчике и, несмотря на отчаянное противодействие Эфа, похитила ребенка.

Но именно этот синдром, эта неодолимая страсть к обращению самых близких и говорили Эфу, что Зака так и не обратили. Ведь если бы Владыка или Келли выпили кровь мальчика, тот наверняка вернулся бы к Эфу в вампирском обличье. Этот ужас – мысль о явлении немертвого сына – вот уже два года преследовал Эфа, а иногда швырял его в пропасть отчаяния.

Но почему? Почему Владыка не обратит Зака? Ради чего он удерживает его? Чтобы при необходимости использовать как заложника в борьбе против Эфа и тех сил сопротивления, частью которых он был? Или по какой-то иной подлой причине, которую Эф не мог – не осмеливался – провидеть?

Он содрогался при мысли о том, какой выбор перед ним встанет, случись такое. Когда речь заходила о сыне, Эф чувствовал свою уязвимость. Его слабость была равна его силе: он не мог бросить мальчика на произвол судьбы.

Где Зак в этот самый момент? Его удерживают в плену? Мучают вместо отца? Такие мысли терзали мозг Эфа.

Неведение – вот что больше всего выбивало его из колеи. Остальные – Фет, Нора, Гус – могли в полной мере посвятить себя сопротивлению, отдать ему всю свою энергию, все мысли именно потому, что никто из их близких не был заложником в этой войне.

Эф снова вспомнил о Мэтте, сожителе его бывшей жены, – о Мэтте, которого прикончил здесь, внизу. О том, что прежде его мучили мысли о растущем влиянии этого человека на Зака. Теперь его ни на день, ни на час не отпускали мысли о том, в каком аду, вероятно, живет сейчас его мальчик под дланью настоящего монстра...

Измочаленный Эф, потя и чувствуя тошноту, раскрыл свой дневник и записал вопрос, повторявшийся в блокноте бесчисленное число раз:

«Где Зак?»

Как обычно – это уже вошло в привычку, – он просмотрел недавние записи. Увидел имя Норы и принялся разбирать собственные каракули.

«Морг». «Встреча». «Перемещаться в светлое время».

Эф прищурился, пытаясь припомнить, и тут всем телом ощутил надвигающуюся опасность.

Он должен был встретиться с Норой и миссис Мартинес в прежнем Управлении главного судмедэксперта. На Манхэттене. Сегодня.

Вот черт!

Он схватил сумку – внутри звякнули серебряные клинки – и забросил ее за спину. Рукояти мечей торчали из-за его плеча, словно антенны, обтянутые кожей. На пороге он оглянулся и увидел старую игрушку-трансформер рядом с проигрывателем компакт-дисков на столике Зака. Сайдсвайп, или Боковой Удар, – так назывался этот трансформер, если Эф правильно запомнил, просматривая книги о подвигах автоботов. Он подарил эту игрушку сыну на день рождения всего несколько лет назад. Одна нога Сайдсвайпа болталась, словно вывихнутая, – следствие многократных трансформаций. Эф подвигал руками трансформера, вспоминая, с какой легкостью Зак превращал игрушку из машинки в робота и наоборот, словно чемпион по сборке кубика Рубика.

– С днем рождения, Зи, – прошептал Эф.

Он засунул поломанную игрушку в сумку и направился к двери.

Вудсайд

Бывшая Келли Гудвезер появилась у своего дома на Келтон-стрит всего несколько минут спустя после ухода Эфа. Она следила за этим человеком – ее близким – с того самого момента, когда часов пятнадцать назад засекала ритм его крови. Но едва небо прояснилось к полуденному просвету, когда в течение двух-трех часов в сутки тусклый, но все же опасный солнечный свет пробивался через плотное облачное одеяло, ей пришлось уйти под землю, и она потеряла время. А теперь вот добралась до места.

Ее сопровождали двое «щупалец» – дети, ослепленные во время солнечного затмения, совпавшего с прибытием Владыки в Нью-Йорк; этих детей впоследствии обратил сам Владыка, а теперь еще и одарил сверхчувственным восприятием второго зрения. Маленькие и юркие, они неслись по тротуару, перепрыгивали через заброшенные машины, напоминая голодных пауков, которые ничего не видят, но все чувствуют.

Обычного нутряного влечения Келли к ее близкому хватало, чтобы обнаружить и выследить бывшего мужа. Но сигнал Эфа был ослаблен и искажен воздействием этанола, стимуляторов и успокоительных для нервной и сердечно-сосудистой систем. Интоксикация затрудняла контакт нервных клеток в головном мозге, замедляя скорость передачи сигнала и ухудшая его восприятие внешними источниками, словно помехи для радиоканала.

Владыка проявлял особый интерес к Эфраиму Гудвезеру, в особенности к его перемещениям по городу. Вот почему в помощь Келли были даны «щупальца» (в прежней жизни брат и сестра, теперь почти неотличимые друг от друга из-за потери волос, гениталий и прочих гендерных различий). Подойдя к дому, они принялись бегать туда-сюда вдоль низкой ограды, дожидаясь, когда подойдет Келли.

Она открыла калитку и вошла на участок, обогнула здание, проверяя, нет ли каких ловушек. Удостоверившись, что ничто ей не угрожает, вампирша ударила основанием ладони по двойному оконному стеклу, разлетевшемуся вдребезги, затем просунула руку внутрь, отперла замок и подняла оконную раму.

«Щупальца» запрыгнули внутрь, Келли последовала за ними – закинула одну обнаженную грязную ногу, потом наклонилась и легко согнула тело, чтобы пролезть в небольшое отверстие. «Щупальца» ползали по дивану; будь они обученными полицейскими собаками, то сделали бы здесь стойку. Долгое мгновение Келли стояла неподвижно, пытаясь прочувствовать дом. Она убедилась, что здесь никого нет, – значит, они опоздали. Но она ощущала запах Эфа. Может быть, удастся узнать еще кое-что.

«Щупальца» понеслись по полу к окну, выходящему на север, прикоснулись к стеклу, словно впитывая сохранившееся еще недавнее ощущение. Потом они мигом взлетели вверх по лестнице, Келли не спеша двинулась за ними – пусть приносятся и сделают стойку. Вампирыши носились по спальне, взбудораженные недавним пребыванием человека; они напоминали животных, которых приводит в безумие какой-то непреодолимый непонятный импульс.

Келли стояла посреди комнаты, опустив руки. Жар ее вампирского тела, ее горячий метаболизм мгновенно поднял температуру в прохладном помещении на несколько градусов. В отличие от Эфа Келли ни в какой форме не страдала ностальгией. В спальне сына она не чувствовала ни тяги к своему прежнему жилью, ни малейших укулов сожаления или утраты, точно так же не чувствовала она привязанности к своему жалкому человеческому прошлому. Бабочка не оглядывается с горечью или грустью на день вчерашний, проведенный в обличье гусеницы, она просто летает.

В существо вампирши проник некий гул, обозначился в ее голове, пробежал по всему телу. Владыка смотрел через нее. Ее глазами. Узнал, что они разминулись.

Мгновение великой чести и доверия...

Гудение прекратилось так же неожиданно, как возникло. Келли не ощутила упрека от Владыки за то, что упустила Эфа. Она поняла только одно – что была полезной. Среди всех стригоев, служивших Владыке на планете, Келли выделялась двумя достоинствами, особо им ценимыми. Во-первых, у нее была прямая связь с Эфраимом Гудвезером.

А во-вторых, у нее был Закария.

Келли по-прежнему испытывала потребность – необходимость – обратить своего дорогого сына. Это желание теперь не жгло ее так, как прежде, но никогда не исчезало. Она все время чувствовала собственную неполноценность, пустоту. Нынешнее положение противоречило ее вампирской природе. Но она терпела эти мучения по одной-единственной причине: этого требовал Владыка. Одна его неколебимая воля удерживала Келли от обращения сына. И потому мальчик оставался человеком. Оставался неосвобожденным, незавершенным. Вероятно, у повелителя были свои резоны. Она доверяла ему беспрекословно. Мотив оставался неведом ей, потому что ее время узнать еще не наступило.

Пока ей было достаточно видеть, что мальчик сидит рядом с Владыкой.

Келли спускалась по лестнице, а вокруг нее скакали «щупальца». Она подошла к высокому окну и, почти не снижая темпа, вылезла из него таким же способом, каким залезла внутрь. Снова начался дождь, жирные черные капли падали на ее горячий череп и плечи и исчезали облачками пара. Стоя на улице на желтой линии разметки, она снова ощутила след Эфа: он трезвел и ритм его крови становился четче.

Она шла под дождем, оставляя за собой легкий парок, а «щупальца» носились туда-сюда. Вампириша приблизилась к станции метро и почувствовала, как телепатическая связь с Эфом сходит на нет. Расстояние между ними увеличивалось. Он мчался все дальше от нее в вагоне подземки.

Разочарование не затмило ее мысли. Келли будет искать Эфа, пока они не воссоединятся раз и навсегда. Она переправила отчет Владыке и только потом последовала на станцию за «щупальцами».

Эф возвращался на Манхэттен.

«Фаррелл»

Лошадь скакала. Следом за ней несло облако густого черного дыма и оранжевого пламени.

Лошадь горела.

Охваченное огнем гордое животное несло галопом с целеустремленностью, вызванной не болью, а желанием. Ночью видимая с расстояния в полтора километра, лошадь без седла и всадника мчалась по плоской разоренной земле к деревне. К наблюдателю.

Фет стоял, парализованный этим зрелищем. Он знал, что лошадь скачет к нему. Он предчувствовал это, ждал. Приближаясь со скоростью огненной струи, скачущая лошадь заговорила (естественно, во сне она умела говорить). «Я живу», – сказала она.

Василий взвыл, когда огненная лошадь поравнялась с ним, и... проснулся.

Он лежал на боку на откидной койке в кубрике под палубой бака раскачивающейся посуды. Качка была бортовая и килевая, и Фет ходил ходуном вместе с судном, вещи вокруг него были связаны и надежно закреплены. Остальные койки были подняты к переборке. Он был один.

Этот сон – всегда одинаковый в главном – преследовал его с юности. Огненная лошадь с горящими копытами скачет на него из темноты, через миг она сомнет его... но в этот момент он просыпался. Пробудившись, он чувствовал сильный, всеподавляющий страх, детский страх.

Фет вытащил свой рюкзак из-под койки. Ткань намочла, как и все остальное на судне, но узел сверху был затянут надежно, все содержимое оставалось на месте.

Судно называлось «Фаррелл» – большой сейнер, который использовали для контрабанды марихуаны; этот бизнес, как и в прежние времена, приносил прибыль. Последний отрезок перехода из Исландии. Фет нанял судно по цене десятка стволов и кучи патронов – этого им хватит на несколько лет. Океан оставался одним из немногих мест на планете, недоступных для вампиров. Незаконный оборот наркотиков свели до минимума, подпольный бизнес ограничивался сбытом амфетаминов и всевозможной травы вроде конопли, выращенной дома и приготовленной в домашних условиях. Владельцы судна вели и маленький второстепенный бизнес, занимаясь контрабандой сивухи, а в этот раз везли несколько ящиков превосходной исландской и русской водки.

Отправляясь в Исландию, Фет ставил перед собой две задачи. Главной было посещение Рейкьявического университета. В первые недели и месяцы после катастрофы, сидя в железнодорожном туннеле под Гудзоном в ожидании, когда воздух на поверхности снова станет пригодным для жизни, Фет постоянно листал книгу, ради которой умер профессор Авраам Сетракян, книгу, которую этот уцелевший в холокосте и ставший охотником на вампиров человек недвусмысленно доверил Фету, и только Фету.

Книга называлась «Окцидо люмен», что в дословном переводе означало «Падший свет». Четыреста восемьдесят девять пергаментных страниц рукописного текста, из которых двадцать украшены рисунками; кожаный переплет с накладками из чистейшего вампирозащитного серебра. «Люмен», основанный на текстах древних глиняных табличек, восходящих ко временам Месопотамии и обнаруженных в 1508 году в одной из горных пещер Загроса, повествовал о возвышении стригоев. Эти очень хрупкие таблички с шумерской клинописью существовали немногим более века, пока не попали в руки французского раввина, который исполнился решимости тайно их перевести (более чем за два века до того, как шумерская письменность была полностью расшифрована). В конечном счете он подарил рукопись королю Людовику XIV, после чего был немедленно заключен в тюрьму.

Таблички по королевскому приказу разбились в пыль, рукопись же считалась уничтоженной или утраченной. Любовница короля, интересовавшаяся оккультизмом, похитила «Люмен»

из дворцового хранилища в 1671 году, и с тех пор манускрипт негласно много раз переходил из рук в руки, приобретая нынешнюю репутацию проклятого. На короткое время «Люмен» всплывал на поверхность в 1823 и 1911 годах, и каждый раз его появление совпадало с таинственными вспышками болезней. Однако вскоре книга снова исчезала. Этот том был заявлен на продажу аукционным домом «Сотбис» на Манхэттене всего десять дней спустя после прибытия Владыки и начала вампирской чумы, и Сетракян предпринял отчаянные усилия завладеть книгой, заручившись поддержкой Патриархов, предоставивших в его распоряжение их общее накопленное богатство.

Сетракян, университетский профессор, который после обращения любимой жены стоял на пороге общества и всю жизнь посвятил охоте на вампиров, уничтожению стригоев – носителей вируса, считал «Люмен» достоверным текстом о заговоре вампиров, терзавших землю на протяжении большей части истории человечества. По социальной лестнице он спустился до низкой ступеньки владельца ломбарда в бедной части Манхэттена, но в глубинах его лавки хранился целый арсенал оружия для борьбы с вампирами и собранная за многие десятилетия поисков по всему миру библиотека древних текстов и рукописей об этом страшном роде. Он так страстно жаждал раскрыть тайны, содержащиеся в «Окцидо люмен», что в конечном счете отдал жизнь ради того, чтобы передать книгу Фету.

За долгие темные ночи, проведенные в туннеле под Гудзоном, Василий понял: ведь кто-то выставил «Люмен» на продажу. Кому-то эта проклятая книга принадлежала... но кому? Фет предполагал, что продавец владел какими-то более глубокими знаниями о силе «Люмена» и его содержании. Выбравшись из туннеля, Фет усердно штудировал книгу с помощью латинского словаря и в меру своих сил проделывал утомительную работу по переводу. Посетив опустевшее здание «Сотбис» в Верхнем Ист-Сайде, он обнаружил, что анонимным бенефициаром вырученных с продажи этой чрезвычайно редкой книги денег был Рейкьявский университет. Вместе с Норой он взвесил все «за» и «против», и они решили, что долгое плавание в Исландию – их единственный шанс выяснить, кто же выставил книгу на аукцион.

Однако университет, как узнал Фет по прибытии, был рассадником вампиризма. Напрасны были надежды Фета на то, что Исландия пошла английским путем: Соединенное Королевство быстро отреагировало на заразу, перекрыло Ла-Манш и принялось уничтожать стригоев после первичной вспышки этой чумы. На островах почти не было вампиров, а народы королевства, хотя и полностью изолированные от окружающего их зараженного мира, остались в человеческом обличье.

В надежде выяснить происхождение книги Фет дождался светлого времени, чтобы осмотреть разграбленные административные помещения. Ему удалось узнать, что книгу на аукцион предложил выставить фонд, управлявший университетским имуществом, а не работавшие в университете ученые или какой-то конкретный бенефициар, как он надеялся. Поскольку кампус оказался заброшенным, долгое путешествие завершилось ничем. Впрочем, не совсем ничем. В книжном шкафу на кафедре египтологии Фет обнаружил крайне любопытный текст: книгу в кожаном переплете, напечатанную во Франции в 1920 году. На обложке стояли слова «Sadum et Amurah». Сетракян перед самой смертью просил Фета запомнить именно эти слова.

Василий взял книгу с собой, хотя не знал по-французски ни слова.

Вторая часть его миссии оказалась гораздо более продуктивной. В какой-то момент ранних контактов с контрабандистами марихуаны Фет, узнав, насколько обширны их связи, попросил познакомить его с кем-нибудь, кто имел доступ к ядерному оружию. Вопреки представлениям, эта просьба не была такой уж невыполнимой. Скажем, на территории бывшего Советского Союза, где стригои полностью владели ситуацией, множество так называемых ядерных чемоданчиков были похищены бывшими офицерами КГБ и, по слухам, продавались (правда, не в идеальном состоянии) на черном рынке Восточной Европы. Желание Владыки очистить мир от ядерного оружия (чтобы никто не смог уничтожить место его происхожде-

ния, как он сам уничтожил шестерых Патриархов) свидетельствовало о том, что Владыка уязвим. Как и в случае с Патриархами, место происхождения Владыки, ключ к его уничтожению, было названо где-то на страницах «Люмена». Фет предложил хорошую цену, и у него хватало серебра, чтобы подкрепить сделку.

Контрабандисты принялись наводить справки среди своих приятелей – морских контрабандистов, обещая комиссионные в виде серебра. Фет скептически отнесся к сообщению о том, что у них есть сюрприз для него, но отчаявшиеся головы готовы поверить во что угодно. На небольшом вулканическом острове к югу от Исландии они встретились с украинской командой на никуда не годной яхте с семью разными навесными двигателями на корме. Капитаном был парень лет двадцати пяти, практически однорукий – его усохшая левая рука заканчивалась жутковатым крюком.

Ядерное устройство вовсе не было похоже на чемодан. Оно напоминало небольшой (размером метр в высоту и полметра в ширину) бочонок или мусорное ведро, завернутое в черный брезент и помещенное в сетку, по бокам и поверх крышки у него имелись зеленые ремни с застежками. Фет попытался его поднять – весил бочонок около пятидесяти килограммов.

– Ты уверен, что эта штука работает? – спросил он.

Капитан здоровой рукой поскреб рыжую бороду. Говорил он на ломаном английском с русским акцентом.

– Мне сказали, что работает. Есть только один способ проверить. У него не хватает одной детали.

– Одной детали? – переспросил Фет. – Дай-ка я догадаюсь. Урана. У-двести тридцать три.

– Нет. Заряд-то как раз на месте. Мощность – одна килотонна. Нет взрывателя. – Парень показал на плетение проводов сверху и пожал плечами. – Все остальное в порядке.

Эквивалент ядерного боеприпаса в одну килотонну составлял тысячу тонн тринитротолуола. Ударная волна, способная гнуть металлические балки, распространяется на расстояние в полмили от эпицентра.

– Не скажешь, как ты обзавелся этой штукой? – спросил Фет.

– Не скажешь, для чего она тебе? – спросил капитан. – Уж лучше давай каждый останется при своей тайне.

– Справедливо.

Капитан попросил одного из членов экипажа помочь Фету перегрузить бомбу на контрабандистское судно. Фет открыл трюм под стальным полом, где хранил запас серебра. Стригои, помещенные на сборе серебра, с не меньшим рвением собирали и дезактивировали ядерные боеприпасы. А потому стоимость этих эффективных средств вампиروبийства росла экспоненциально.

Завершив сделку, которая включала и сопутствующий обмен между членами командами – водка на табак для самокруток, – они разлили выпивку по стаканам.

– Ты украинец? – спросил капитан у Фета, осушив стакан с огненной водой.

– А что, похож?

– Ты похож на людей из моей деревни... Когда-то она существовала.

– А теперь исчезла?

Молодой капитан кивнул.

– Чернобыль, – сказал он, поднимая высохшую руку.

Фет посмотрел на ядерную бомбу, привязанную эластичным тросом к стене. Никакого тебе свечения, никакого тиканья. Переносное оружие в ожидании активации. Неужели он приобрел бочонок мусора? Нет, он так не думал. Он полагал, что украинский контрабандист проверяет своих поставщиков. К тому же нельзя было сбрасывать со счетов тот факт, что он планировал продолжать отношения с поставщиками марихуаны.

Фет почувствовал возбуждение, даже уверенность. Он словно держал заряженное ружье без спускового крючка. Ему всего лишь требовался детонатор.

Он собственными глазами видел, как команда вампиров раскапывала участки вокруг геологически активной территории горячих источников близ Рейкьявика, известной под названием Черный бассейн. Это свидетельствовало о том, что Владыка не знает точно, где находится место его появления на свет – не место его рождения, а земля, где он впервые явил себя миру в обличье вампира.

«Окцидо люмен» раскрывал тайну этого места. Фету оставалось всего лишь сделать то, что до сих пор было ему не по силам: перевести книгу и обнаружить место появления Владыки на свет. Будь «Люмен» инструкцией по уничтожению вампиров, Фет давно бы уже разобрался в нем, но он был наполнен образами, рожденными бурной фантазией, странными аллегориями и сомнительными заявлениями. Манускрипт описывал человеческую историю, предопределенную не судьбой, а сверхъестественным влиянием Патриархов. Этот текст приводил всех в замешательство. Фету не хватало веры в собственную ученость. Вот где пригодились бы обширные знания старого профессора! Без него «Люмен» был для них не полезнее ядерного заряда без взрывателя.

Тем не менее Фет продвигался вперед. Желание что-то делать вывело его на палубу. Он ухватился за поручни, оглядел волнующийся океан. Сильного дождя сегодня не было, но в воздухе висел промозглый соленый туман. Изменение атмосферы сделало плавание занятием более опасным, погода на воде стала малопредсказуемой. Их судно двигалось по громадному скоплению медуз – этот биологический вид доминировал теперь во всех открытых морях; медузы поедали рыбу икру и блокировали ту малость дневного света, что достигала поверхности океана; иногда медузы образовывали колонии шириной в несколько километров, они покрывали поверхность воды, как корочка запеканки.

Судно шло на расстоянии пятнадцати километров от побережья Массачусетса в районе Нью-Бедфорда, что напомнило Фету об одной из наиболее интересных записей в бумагах Сетракяна, которые он отобрал и оставил вместе с «Люменом». В этой записи старый профессор рассказывал историю состоявшегося в 1630 году плавания Уинтропа, который вместе со второй волной колонистов переправился через Атлантику в Новый Свет на одиннадцати кораблях спустя десять лет после «Мейфлауэра». Один из кораблей, называвшийся «Хоупвелл», перевозил три украшенных красивой резьбой ящика с неизвестным грузом. Пуритане высадились в районе нынешнего Салема, штат Массачусетс, но потом переместились в Бостон (их привлекло изобилие пресной воды). Условия обитания поселенцев были весьма суровы. В первый год умерло двести человек, их смерть объяснили болезнями, а не истинной причиной: сами того не зная, они перевезли стригоев в Новый Свет и стали жертвами Патриархов.

Гибель Сетракяна оставила невосполнимую пустоту в жизни Фета. Ему так не хватало советов этого мудреца, его общества, но самое главное – не хватало интеллекта Сетракяна. Уход старика стал не просто смертью, но и критическим (и это не преувеличение) ударом по будущему человечества. Ценой собственной жизни профессор передал в их руки священную книгу «Окцидо люмен», но не оставил средства для расшифровки фолианта. Фет принялся прилежно изучать страницы книги и блокноты в кожаных переплетах, содержащие глубокие таинственные размышления старика, иногда перемежающиеся незначительными бытовыми наблюдениями, списком покупок, финансовыми расчетами.

Василий раскрыл французскую книгу и, естественно, обнаружил, что и здесь ничего не может понять. Но некоторые великолепные рисунки говорили сами за себя; на иллюстрациях во всю страницу Фет видел какого-то старика с женой, они убегали из города, сгорающего в священном огне... на одном из рисунков его жена превращалась в прах. Даже Фет знал эту притчу. «Лот...» – вспомнил он. За несколько страниц до этой он видел другую иллюстрацию –

на ней старик защищал двух мучительно красивых крылатых существ, архангелов, посланных Господом. Фет захлопнул книгу и посмотрел на обложку. «Sadum et Amurah».

«Содом и Гоморра... – догадался он. – Садум и Амурах – это Содом и Гоморра...»

Фет вдруг почувствовал себя знатоком французского. Он вспомнил одну из иллюстраций в «Люмене», почти идентичную иллюстрации во французской книге. Не по стилистике или утонченности, а по содержанию. Лот защищает архангелов от людей, желающих совокупиться с ними.

Ключи к разгадке крылись здесь, но Фет не мог толком обнаружить ни один из них. Даже его руки, большие и грубые, как бейсбольные перчатки, казалось, были абсолютно не приспособлены для манипуляций с «Люменом». Почему Сетракян выбрал его, а не Эфа, почему именно ему вручил эту книгу? Эф был явно умнее, гораздо начитаннее. Черт, да и этот трехклятый французский он наверняка знает! Но Сетракян был уверен, что Фет скорее умрет, чем позволит книге попасть в руки Владыки. Сетракян хорошо изучил Василия. И очень любил его, проявляя терпение и заботу, как старый отец. Твердый, но сердобольный, Сетракян никогда не давал Фету почувствовать, что тот плохо соображает, что мало знает; напротив, он с огромным прилежанием и вниманием объяснял ему все детали, отчего Фет чувствовал себя частью общего дела. Сетракян сделал его членом команды.

Эмоциональную пустоту в жизни Фета заполнил совершенно неожиданный источник. В первые дни, проведенные в железнодорожном туннеле, непредсказуемость и одержимость Эфа росли, и все это явно усилилось, стоило им выйти на поверхность. Нора же, видя изменения, стала все больше полагаться на Фета, доверяться крысолову, давать утешение ему и искать утешения у него. Со временем Фет научился отвечать ей. Он восхищался твердостью Норы перед лицом непосильного отчаяния. Многие другие были подавлены безнадежностью, сходили с ума или же, как Эф, позволяли отчаянию изменить себя. Нора Мартинес явно разглядела что-то в Фете (может быть, то же, что разглядел в нем старый профессор): врожденное благородство, более свойственное выючному животному, чем человеку, и что-то еще, о чем даже сам Фет до недавнего времени не подозревал. И если это его свойство (стойкость, решимость, безжалостность – что уж там это было) привлекало Нору в таких чрезвычайных обстоятельствах, то и сам он изменялся к лучшему.

Из уважения к Эфу он противился их связи, пытаясь игнорировать чувства – и свои, и Норы. Но взаимное притяжение стало теперь явным. В последний день, перед тем как уйти в плавание, Фет прикоснулся ногой к ноге Норы. По современным меркам этот жест ничего не значил, но только не для Фета. Он был человеком крупным, но остро чувствовал свое личное пространство. Он никогда не искал и не допускал его нарушения. Он держался от всех на расстоянии, и почти любое прикосновение вызывало у него чувство крайней неловкости, но, когда к его ноге прижалась коленка Норы, сердце Фета учащенно забилось. Забилося в надежде, когда его вдруг осенило: «Она не отдернула ногу. Не отстранилась...»

Нора просила его быть осторожным, не лезть на рожон, и в ее глазах стояли слезы. Искренние слезы. Она долго смотрела ему вслед.

Никто никогда прежде не плакал, расставаясь с Фетом.

Манхэттен

Эф направлялся в центр города на седьмом экспрессе, зацепившись с наружной стороны. Покачиваясь на эстакаде в такт движениям поезда, он прилип к заднему левому углу последнего вагона метро. Правая нога стояла на ступеньке, пальцы вцепились в оконные рамы. Ветер и черный дождь хлестали полы его угольно-серого плаща, голова в капюшоне была прижата к обшивке вагона, глаза смотрели на наплечные ремни оружейной сумки.

Прежде, опасаясь обнаружения, на подножках поездов ездили осваивавшие подземку в районе Манхэттена вампиры. За окном, под выгнутую раму которого Эф подsunул пальцы, он видел людей, покачивающихся на сиденьях в одном ритме с поездом. Безразличные взгляды, лица без всякого выражения – абсолютно показательная сценка. Долго он не решался посмотреть: будь в вагоне стригои, они, с их природной способностью видеть в темноте, могли бы засечь его, что грозило встречей с неприятной компанией на следующей остановке. Эф все еще был в розыске, его фото висели в почтовых отделениях и полицейских участках по всему городу; сюжеты о том, как он убил Элдрича Палмера (хитро смонтированные из записи его неудавшегося покушения), все еще чуть ли не каждую неделю показывали по телевизору, чтобы бдительное население не забывало черты его лица.

Поездки на метро требовали навыков, которые со временем и по необходимости приобрел Эф. Во всех туннелях без исключения была повышенная влажность, здесь пахло озоном и старой смазкой; драная, грязная одежда служила идеальным камуфляжем, как в визуальном, так и в обонятельном плане. Чтобы прицепиться к заднему вагону поезда, требовались сноровка и точный расчет, и Эф прекрасно освоил эту науку. Мальчишкой в Сан-Франциско он чуть не каждый день ездил в школу на подножках трамвая, запрыгнуть куда нужно было в точно рассчитанный момент. Поспешешь – и тебя увидят; промедлишь – и тебя поволочет за трамваем, на всю жизнь накувыркаешься.

Ему и в подземке доводилось срываться, обычно в нетрезвом виде. Как-то раз, когда поезд делал поворот под Тремонт-авеню, Эф плохо рассчитал прыжок, потерял опору под ногами и какое-то время тащился за поездом, цепляясь руками и судорожно перебирая ногами, пока не сумел перекатиться на бок, сломав при этом два ребра и вывихнув плечо: кость издала легкий щелчок, когда он ударился о стальные рельсы соседнего пути. Эф едва не попал под встречный поезд – успел укрыться в служебной нише, где пахло мочой и валялись старые газеты. Он сам вправил себе сустав, но травма все же беспокоила его по ночам. Повернувшись во сне на это плечо, он просыпался от мучительной боли.

Со временем Эф научился опираться ногами о задний торец состава. Он знал каждый поезд, каждый вагон, даже смастерил два коротких захватных крюка, чтобы в одно мгновение цепляться за свободные металлические панели. Эф выковал их из запасов серебра в своей норе, и они время от времени служили ему оружием ближнего боя в схватках со стригоями.

Крюки крепились к деревянным рукоятям, изготовленным из ножек стола красного дерева, подаренного матерью Келли на их свадьбу. Если бы она только знала... Теща всегда недолюбливала Эфа (он был недостаточно хорошо для ее дочери), а теперь ее неприязнь стала бы еще сильнее.

Эф повернул голову, чтобы сквозь черный дождь посмотреть на город по обе стороны бетонного виадука, высоко вознесшегося над бульваром Куинс. Какие-то кварталы так и лежали в руинах, уничтоженные пожаром во время переворота или же оставленные владельцами и разоренные позднее мародерами. По некоторым районам города будто война прокатилась. Впрочем, так и случилось.

Другие кварталы купались в лучах искусственного света – городские зоны, перестроенные людьми под надзором «Фонда Стоунхарт» по указанию Владыки; свет становится важней-

шим компонентом, когда работаешь в мире, погруженном во тьму двадцать два часа каждого календарного дня. Система энергообеспечения по всей планете рухнула после первых электромагнитных импульсов вследствие ядерных взрывов. Из-за перегрузки перегорели провода, и весь мир погрузился в столь любимую вампирами темноту. Люди очень быстро поняли (и это понимание имело ужасающее воздействие), что некий род, превосходящий их по силе, захватил планету и что человека вытеснили с вершины пищевой цепи существа, биологические потребности которых удовлетворяются человеческой кровью. Паника и отчаяние охватили все континенты. Зараженные вампиризмом армии оказались бесполезны. А затем, после ядерной катастрофы, когда новая ядовитая атмосфера бурлила и стабилизировалась в небесах, наступило время консолидации и вампиры установили на земле новый порядок.

Поезд подземки сбросил скорость, приближаясь к Куинсборо-плаза. Эф снял ногу с подножки и повис на невидимой с платформы стороне вагона. В нескончаемом ливне было одно преимущество: он скрывал Эфа от бдительных, налитых кровью вампирских глаз.

Он услышал, как открылись двери, вышли и вошли пассажиры. Сверху из громкоговорителей донесся роботизированный голос, предупреждающий об отправлении. Двери закрылись, поезд тронулся. Эф опять ухватился за оконную раму саднящими пальцами, проводил взглядом тускло освещенную платформу, которая исчезала из виду, как и прошлый мир, – она уменьшалась в размерах, теряла четкость и наконец пропала за пеленой грязного дождя и тьмы.

* * *

Поезд метро вскоре нырнул под землю, словно спасаясь от промозглого ливня. Еще две остановки, и он оказался в туннеле Стейнвей под Ист-Ривер. Именно такие блага современности (удивительная возможность перемещаться под быстрой рекой) усугубили катастрофу человеческого рода. Вампиры, которым природа не позволяла пересекать естественные водные потоки, смогли преодолеть препятствие, используя такие туннели, магистральные воздушные суда и другой быстроходный транспорт.

Дождь ослаб, когда поезд был на подходе к Гранд-Сентрал, и очень вовремя. Эф несколько изменил положение тела; он боролся с усталостью, вцепившись в свои самодельные крюки. От недоедания Эф превратился в щепку, какой был в старшем классе средней школы. Он привык к этой непреходящей грызущей пустоте в желудке, а как врач понимал, что нехватка витаминов и белков влияет не только на состояние костей и мышц, но и на работу мозга. Эф спрыгнул с вагона, прежде чем тот остановился, по инерции пробежал на ватных ногах по бетонной дорожке между путей и, умело сгруппировавшись, упал на левое плечо. Он размял пальцы, прогоняя артритоподобную обездвиженность в суставах, убрал крюки. Задние огни поезда уменьшались. Послышался металлический визг стальных колес о стальные рельсы, к которому уши так и не привыкли.

Эф развернулся и похромал в противоположную сторону – вглубь туннеля. Он столько раз ездил этим маршрутом, что уже не нуждался в приборе ночного видения, чтобы добраться до следующей станции. Контактный рельс его не беспокоил – он был в деревянной оболочке, которая становилась удобной ступенькой, когда нужно было запрыгнуть на заброшенную платформу.

На плиточном полу валялись строительные материалы: леса, отрезки труб, завернутые в пластик связки шлангов, – ремонт станции замер на начальном этапе. Эф откинул мокрый капюшон, вытащил из сумки прибор ночного видения и надел его на голову так, чтобы линзы находились перед правым глазом. Удостоверившись, что со времени его последнего визита ничего не изменилось, он двинулся к голой, без каких-либо надписей, двери.

В часы пик, еще до вампирского завоевания, по отшлифованному теннессийскому мрамору, покрывающему огромный главный зал вокзала, ежедневно проходило до полумиллиона

человек. Эф не мог рискнуть войти в само здание вокзала (в главном зале площадью в пол-акра имелось всего два-три укрытия), но бывал на крыше. Разглядывал оттуда памятники ушедшей эпохи: знаменитые небоскребы вроде Метлайф-билдинг и Крайслер-билдинг, темные и безмолвные в ночи. Он поднимался на кондиционер высотой в два этажа на крыше терминала, останавливался на фронтоне, выходящем на Сорок вторую улицу и Парк-авеню, между колоссальными статуями римских богов Минервы, Геркулеса и Меркурия над громадными часами из стекла от Тиффани. С центральной части крыши он смотрел вниз с высоты более тридцати метров на собороподобный главный зал. Ближе подойти Эф не мог.

Он открыл дверь – прибор ночного видения позволял ему видеть в полной темноте, – поднялся по двум длинным лестничным пролетам, потом вошел через незапертую дверь в протяженный коридор. По всей его длине проходили паропроводные трубы, они по-прежнему функционировали и постанывали от жара. Когда он добрался до следующей двери, с него капал пот.

Эф вытащил из сумки небольшой серебряный нож – здесь требовалась осторожность. Запасный выход с бетонными стенами не лучшее место, чтобы тебя застали врасплох. По полу сочилась черноватая грунтовая вода, грязь с неба стала неизменной составляющей экосистемы. Этот участок подземки когда-то постоянно обследовали обходчики, изгоняли отсюда бездомных, любопытных, вандалов. Потом стригои на короткое время взяли подземный город под контроль – они здесь прятались, кормились, увеличивали свою численность. Теперь, когда Владыка изменил земную атмосферу, чтобы избавить вампиров от угрозы уничтожения вирулицидными ультрафиолетовыми лучами, они поднялись из лабиринта подземного мира и заявили свои права на поверхность земли.

На последней двери была красно-белая надпись: «ТОЛЬКО АВАРИЙНЫЙ ВЫХОД, СРАБОТАЕТ СИГНАЛИЗАЦИЯ». Эф убрал в сумку клинок и прибор ночного видения, надавил на нажимную штангу – провода сигнализации давным-давно были сорваны.

В лицо ударил противный из-за вязкого черного дождя ветер. Эф натянул на голову мокрый капюшон и пошел на восток по Сорок пятой улице. Он шагал, опустив голову, и видел, как его ботинки расплескивают воду на тротуаре. Множество разбитых или брошенных автомашин с первых дней переворота оставались стоять у тротуара, отчего многие улицы стали односторонними для движения служебных грузовых машин, управляемых вампирами или людьми из «Стоунхарта». Глаза Эфа, хоть и уставленные в землю, стреляли время от времени по сторонам. Он приучился никогда не оглядываться – в городе было слишком много окон, слишком много вампирских глаз. Если у тебя подозрительный вид, то и сам ты вызываешь подозрение. Эф прилагал максимум усилий, чтобы не сталкиваться со стригоями. На улицах, как и повсюду, люди были существами второго сорта, каждую секунду их могли обыскать или унижить любым другим образом. Этакое отбросы эпохи апартеида. Эф не мог позволить себе засветиться.

Он поспешил к Первой авеню, в Управление главного судмедэксперта, быстро спустился по пандусу для машин «скорой» и катафалков, затем протиснулся мимо носилок и шкафа на колесиках, которыми заставили проход в подвал, и через незапертую дверь вошел в городской морг.

Несколько мгновений он стоял в унылой тишине. Именно в это помещение с секционными столами из нержавеющей стали и многочисленными раковинами два года назад привезли первую группу пассажиров с обреченного рейса 753 авиакомпании «Реджис». Именно здесь Эф впервые увидел тонкий надрез на шее казавшегося мертвым пассажира, надрез, переходящий в прокол, тянувшийся до сонной артерии; вскоре они выяснили, что это повреждения от вампирских жал. Здесь же ему впервые показали странный посмертный рост складок преддверия вокруг голосовых связок; как выяснилось позднее, это был первый этап развития мясистых жал, характерных для стригоев. Здесь же он впервые стал свидетелем преобразования крови жертвы из здоровой красной в маслянистую белую.

А еще на тротуаре у морга Нора и Эф впервые увидели пожилого ломбардщика Авраама Сетракяна. Все, что было известно Эфу о вампирском племени, – от смертоносного воздействия на вампиров серебра и ультрафиолета до существования Патриархов и их роли в формировании человеческой цивилизации с самых ранних времен вплоть до отбившегося Патриарха, известного как Владыка, чей перелет в Новый Свет на борту рейса 753 авиакомпании «Реджис» знаменовал начало конца, – он узнал от этого дотошного старика.

Со времени захвата власти здание пустовало. Морг выпал из инфраструктуры города, которым управляли вампиры, ведь смерть уже не всегда была конечной точкой человеческого существования. А потому в ритуалах, прежде сопутствовавших смерти, – трауре, приготовлении тела к прощанию и похоронам – больше не было необходимости и соблюдались они редко.

Для Эфа это здание являлось неофициальным штабом сопротивления. Он поднялся по лестнице на верхний этаж, готовый выслушать упреки Нору: мол, его отчаяние из-за Зака мешает их работе.

Доктор Нора Мартинес была вторым номером после Эфа в проекте «Канарейка» Центра по контролю и профилактике заболеваний. В разгар напряжения и хаоса первых дней сопротивления вампирскому нашествию возникшая уже давно между ними симпатия переросла из профессиональной в личную. Эф попытался отправить Нору и Зака из города в безопасное место – поезда в те времена еще ходили с Пенсильванского вокзала. Но худшие опасения подтвердились: Келли, которую влекло к ее близкому, привела целую орду стригоев в туннель под Гудзоном. Поезд сошел с рельсов, пассажиры погибли, а Келли напала на Нору и похитила сына Эфа.

Пленение Зака, хотя Эф ни в коей мере не винил Нору, вбило клин между ними, как вбило клин между Эфом и всем остальным миром. Эф был в разладе с самим собой. Он чувствовал себя разбитым, неполноценным и знал, что ничего иного предложить Норе не может.

У Норы были и свои заботы – в первую очередь старушка-мать Мариела Мартинес, чей мозг искалечила болезнь Альцгеймера. Здание ОГСМ было достаточно просторным, и мать Норы могла путешествовать по верхним этажам, пристегнутая к своему креслу-каталке, или же гулять по коридору в носках с противоскользящими липучками и разговаривать с людьми, давно ее покинувшими или ушедшими в мир иной. Прискорбное существование, но в основном мало чем отличающееся от того, какое вело все сохранившееся человечество. А может быть, даже лучше: мозг миссис Мартинес находил отдохновение в прошлом и так избегал ужасов настоящего.

Первым знаком того, что случилось что-то непредвиденное, была бросившаяся в глаза Эфу перевернутая инвалидная коляска – она лежала на боку у двери перед лестницей четвертого этажа. Здесь же на полу он увидел ремни, которыми Нора обычно пристегивала миссис Мартинес. В нос ударила аммиачная вонь – запах, выдающий вампиров. Эф вытащил меч и быстро пошел по коридору, чувствуя, как в животе завязывается страх. В здание подавалось электричество, но Эф не мог использовать лампы или другие осветительные приборы, видимые с улицы, а потому шагал по тусклому коридору чуть пригнувшись, готовый в любой момент отразить нападение. Проходя мимо дверей, приближаясь к поворотам и прочим удобным для засады местам, он еще больше собирался.

Он миновал упавшую перегородку. Разграбленный бокс. Перевернутый стул.

– Нора! – позвал Эф.

Опрометчиво, но, если стригои все еще здесь, он их выманит.

На полу в угловом кабинете он увидел рюкзачок Норы – тот лежал раскрытый, вокруг валялись одежда и личные вещи. В углу стояла лампа фирмы «Лума», ее вилка была вставлена в зарядное устройство. Одно дело – одежда, но Эф знал, что Нора ни в коем случае не вышла бы на улицу без своей ультрафиолетовой лампы, если бы не чрезвычайные обстоятельства. Ее оружейной сумки нигде не было.

Эф взял ее ручную лампу, включил черный свет: на ковре и у боковины письменного стола ярко вспыхнули радужные пятна – следы вампирских экскрементов.

Здесь побывали стригои, теперь сомнений не осталось. Эф изо всех сил старался оставаться спокойным и сосредоточенным. Скорее всего, он здесь один, по крайней мере на этом этаже никаких вампиров (что было неплохо), но Нора с матерью исчезли, и это повергало его в отчаяние.

Боролись ли они? Эф попытался определить это, оглядывая комнату – светящиеся пятна, перевернутые стулья. Нет, на борьбу не похоже. Он прошел по коридору в поисках других свидетельств насилия, выходящего за рамки простой порчи имущества, но ничего такого не увидел. Активное сопротивление было бы крайним средством с ее стороны, и если бы это случилось, то здание наводнили бы вампиры. На взгляд Эфа, это скорее походило на акт мародерства.

Под письменным столом он нашел оружейную сумку Норы. Значит, ее застали врасплох. Если не было борьбы – контакта серебра с вампирскими телами, – то вероятность похищения Норы сильно уменьшалась. Стригоям не нужны были жертвы. Их цель состояла в пополнении лагерей.

Неужели ее взяли? Не исключено, но Эф знал Нору: она ни за что не сдалась бы без борьбы, а никаких свидетельств сопротивления он не видел. Правда, они могли сначала захватить ее мать. И тогда Нора сдалась бы из страха за миссис Мартинес.

Если так, то вероятность обращения Норы была невелика. Стригои по приказу Владыки не пополняли свои ряды: высасывание крови и заражение человека вирусом вело лишь к появлению еще одного вампира, которого нужно кормить. Нет, скорее Нору отвезли в лагерь временного содержания за пределами города. Оттуда ее могли отправить на общественные работы или подвергнуть наказанию. Об этих лагерях мало что было известно: большинство из тех, кто попадал туда, исчезали навсегда. Миссис Мартинес, чей детородный период давно закончился, в случае попадания в лагерь была обречена.

Эф осмотрелся. Его охватывала паника – он не знал, что делать. Происшествие казалось случайным, но было ли оно таковым на самом деле? Временами Эфу приходилось держаться подальше от остальных, особо осторожно проникать в здание ОГСМ и выходить – Келли неустанно преследовала его. Если бы она его обнаружила, Владыка мог бы обезглавить сопротивление. Неужели где-то произошел сбой? Может, и сам Эф обречен? Неужели Владыке все-таки удалось раскрыть их организацию?

Он подошел к ноутбуку на столе, открыл его. Компьютер был включен, и Эф стукнул по клавише пробела, чтобы вывести его из спящего состояния. Ноутбуки в здании все еще были подключены к сетевому серверу. Сильно поврежденная Всемирная паутина обычно пребывала в нерабочем состоянии. Вероятность получить сообщение об ошибке была гораздо выше загрузки искомой страницы. Неопознанные и неавторизованные адреса интернет-протокола были особенно подвержены заражению вирусами и червями, и многие компьютеры в здании оказались либо заблокированы из-за заражения жесткого диска, либо вследствие повреждения операционной системы работали так медленно, что пользоваться ими стало невозможно. Сотовые сети исчезли, и доступ в них по каналу связи либо через Интернет стал невозможен. Зачем допускать человеческую чернь к коммуникационной сети, способной покрыть весь земной шар, если сами вампиры могли общаться телепатически?

Эф и другие действовали, исходя из предположения, что любая активность в Интернете контролируется вампирами. Страница, представшая его взору (страница, которую Нора явно оставила лишь по той причине, что не имела времени отключить компьютер), была чем-то вроде способа персонального общения, двусторонний шифрованный чат.

«НМарт» явно обозначало Нору Мартинес. Ее собеседник, ВФет – Василий Фет, бывший нью-йоркский крысолов. Фет присоединился к их борьбе на раннем этапе, когда начался

исход крыс из подземки, вызванный пришествием стригоев. Василий оказался незаменимым соратником, потому что, с одной стороны, владел технологией борьбы с паразитами, а с другой – хорошо знал город, в особенности подземные сети. Он стал таким же учеником покойного профессора Сетракияна, как и Эф, нашел себя в роли охотника на вампиров в Новом Свете. В настоящее время он был на борту рыболовецкого судна где-то в Атлантике, возвращался из Исландии, куда плавал с очень важной миссией.

Чат, сплошь в грамматических ошибках Фета, начался днем ранее и был посвящен главным образом Эфу, который теперь читал слова, не предназначавшиеся для его глаз.

НМарт: Э здесь нет – не пришел на встречу. Ты был прав. Не следовало на него полагаться. Теперь мне остается только ждать...

ВФет: Не жди там. Перемещайся. Вернись на Рузвэлт.

НМарт: Не могу: маме стало хуже. Постараюсь задержаться еще максимум на день. Это уже АБСОЛЮТНО невыносимо. Он опасен. Может подставить всех нас. Это вопрос времени. Времени, когда эта вампирская сучка Келли выследит его, а он выведет ее на нас.

ВФет: Я тебя понял. Но он им нужен. Ты не длжн выпускать ег из виду.

НМарт: Он гуляет сам по себе. Ничто другое его не волнует.

ВФет: Он очень важен. Для них. Для Вл. Для нас.

НМарт: Я знаю... просто я больше ему не доверяю. Я даже не знаю, кто он...

ВФет: Мы не должны допустить, чтобы он достиг самого дна. Ты в первую очередь. Поддерживай его на плаву. Он не знает где книга. Это наша страховка. В этом он нам не повредит.

НМарт: Он снова в доме К. Я это знаю. Ходит туда поискать воспоминаний о Зи. Это все равно что пытаться воровать из снов.

И дальше:

НМарт: Ты знаешь, как я без тебя скучаю. Сколько еще ждать?

ВФет: Уже скоро. Тоже скучаю.

Эф скинул с плеч оружейную сумку, вложил меч в ножны и опустился в офисное кресло. Он перечитывал последние фразы, перечитывал снова и снова, слышал голос Норы, потом бруклинский говорок Фета:

Тоже скучаю.

Эти слова повергали Эфа в некое подобие невесомости, будто его тело перестало подчиняться законам гравитации. Но при этом он неподвижно сидел в кресле.

Он должен был испытывать злость. Праведный гнев. Приступ ревности.

И он переживал все это. Но не глубоко. Не остро. Все эти чувства присутствовали, и он признавал их, но... это напоминало хождение по кругу. Тревога настолько переполняла его, что еще одна забота, какой бы горькой она ни была, не могла изменить эмоциональный настрой.

Как все это случилось? Временами в последние два года Эф сознательно держался подальше от Норы. Чтобы защитить ее, чтобы защитить их всех... по крайней мере, так он говорил самому себе, оправдывая свой явный уход от дел.

И все же Эф не мог понять. Он перечитал первую часть. Он опасен. Ему не доверяют. Он ненадежен. Похоже, они думают, что опекают его. В некоторой мере он испытал облегчение. Облегчение за Нору – это пойдет ей на пользу, – но большую часть его существа распирала возрастающая злость. Что это было? Ревность от неспособности удержать? Господь свидетель, он не очень-то погружался в повседневные заботы. Может, он злился, что кто-то подобрал брошенную им игрушку, и теперь загорелся желанием вернуть ее? Как же мало он себя знал... Мать Келли говорила, что он всегда опаздывает на десять минут на все важнейшие события в

своей жизни. Опоздал к рождению Зака, опоздал на свадьбу, опоздал спасти свой брак. Господь свидетель: он опоздал – и не смог спасти Зака, не смог спасти мир, а теперь... теперь вот это...

Нора? С Фетом?

Он ее потерял. Почему он не предпринял ничего раньше? Странно, но вместе с болью и ощущением утраты Эф испытал облегчение. Теперь ему можно больше не беспокоиться – нет нужды оправдывать свои недостатки, объяснять свое отсутствие, уговаривать Нору. Но когда призрачная волна облегчения уже почти омыла его душу, Эф повернулся и увидел свое отражение в зеркале.

Он постарел. Выглядел гораздо старше своих лет. Зарос грязью, как бездомный. Волосы прилипли к потному лбу, на одежде образовался многомесячный слой грязи. Глаза впали, скулы торчали, натягивая истончившуюся кожу. «Ничего удивительного, – подумал Эф. – Ничего удивительного».

В каком-то оцепенении он поднялся с кресла. Спустился по лестнице на четыре пролета и вышел из здания под морозящий черный дождь, направляясь в соседнюю больницу «Бельвью». Эф забрался внутрь через разбитое окно и двинулся по темным заброшенным коридорам, следуя указателям, в отделение скорой помощи, которое когда-то было травматологическим центром номер один в Нью-Йорке. Здесь работали специалисты всех профилей, имели доступ к самому современному оборудованию.

А также к лучшим лекарственным средствам.

Эф добрался до сестринского поста – дверца со шкафчика с лекарствами была сорвана. Запиравшийся прежде на замок холодильник тоже взломали и разграбили. Ни парацетамола, ни викадина, ни демерола. Он нашел немного таблеток оксикодона и успокоительных в блистерных упаковках (сам себе ставишь диагноз, сам себя лечишь), швырнул пустые упаковки через плечо. Эф взял две белые таблетки оксикодона и проглотил их всухую... потом замер.

Он двигался так быстро и так шумел, что не услышал шагов босых ног. Краем глаза Эф засек движение по сестринскому посту.

На него смотрели два стригоя. Полностью сформировавшиеся вампиры, безволосые и бледные, обнаженные. Он увидел утолщенные артерии на шеях, уходящие над ключицами внутрь груди, точно пульсирующие корни дерева. Один из них когда-то был мужчиной (об этом говорило его более крупное тело), другой – женщиной (грудь усохшие и бледные).

Зрелые вампиры отличались также отвислыми бородками на манер индюшачьих. Отвратительная вытянутая плоть, светло-розовая при недоедании, ярко-алая после кормления. Бледные бородки этих стригоев напоминали мошонки, они раскачивались, когда вампиры поворачивали головы. Знак различия и метка искушенного охотника.

Не эти ли двое спугнули Нору и ее мать или как-то иначе выставили их из ОГСМ? Узнать это было невозможно, но что-то подсказывало Эфу, что так и случилось, а если так, Норе, возможно, удалось ускользнуть невредимой.

Ему почудился проблеск узнавания в красных глазах, которые в остальном оставались пустыми. Обычно в вампирских глазах нет ни искры, ни намека на мыслительный процесс, но Эф уже видел такой взгляд прежде и понял, что его узнали. Эти суррогатные глаза передали весть о находке Владыке, чье присутствие заполнило их мозг настоящим требованием. В считанные минуты в помещение примчится целая орда.

– Доктор Гудвезер... – произнесли два существа одновременно.

Их щебетание звучало с жуткой синхронностью. Тела подтянулись, словно их движениями управлял невидимый шнурок. Владыка.

Как зачарованный, но в то же время с отвращением Эф наблюдал за тем, как в пустых глазах вампиров появилась некая осмысленность, самоуверенность высшего существа; по ним словно прошла волна, они были само сосредоточение, будто кожаная перчатка обрела форму, когда рука наполнила ее объемом и целеполаганием.

Бледные удлинённые лица тварей трансформировались, когда воля Владыки вселилась в их вялые губы и пустые глаза...

– У вас... такой усталый вид... – сказали в унисон близнецы-марионетки. – Думаю, вам нужно отдохнуть... вы так не считаете? Приходите к нам. Сдавайтесь. Я поручусь за вас. Все, что пожелаете...

Монстр был прав: Эф устал, невыносимо, невыносимо устал, и да, он был готов сдаться.

«Смогу ли я?» – подумал он.

– Пожалуйста. Сдавайтесь.

Слезы навернулись ему на глаза, он почувствовал, как подгибаются колени – чуть-чуть подгибаются, словно он собирается присесть.

– Люди, которых вы любите, – те, по кому тоскуете, – живут в моих объятиях... – проговорили посланники-близнецы очень отчетливо.

Так заманчиво, так двусмысленно...

Эф закинул дрожащие руки за плечи и схватил потертые рукояти своих длинных мечей. Он извлек их вертикально, не наклоняя, чтобы не разрезать оружейную сумку. Может быть, опийный препарат переключил какую-то связь в мозгу, но в его воображении два этих монстра мужского и женского пола вдруг превратились в Нору и Фета. Его любовница и близкий друг вступили в заговор против него. Они оба подстерегли здесь Эфа, когда он, будто наркоман, обыскивал шкаф с лекарствами; они увидели его в худшем свете, за который сами и несли прямую ответственность.

– Нет, – надрывно простонал он, отвергая предложение Владыки.

Его голос успел сорваться даже на одном этом слогe. И вместо того чтобы погасить эмоции, Эф выплеснул их, трансформировал в ярость.

– Как угодно, – сказал Владыка. – До свидания. До скорого свидания...

И тут верховная воля отпустила охотников. Раздраженно фыркая, снова вернулись звери, отбросили неестественную стоячую позу, приземлились на все четыре конечности и приготовились окружить жертву. Эф не дал вампирам ни малейшей возможности обойти его с фланга. Он ринулся вперед, сначала на бывшего мужчину, собираясь поразить его двумя мечами. Вампир в последний момент отпрыгнул в сторону – они были проворные, увертливые, – но кончик меча задел его. Порез был настолько глубок, что стригой потерял равновесие, из раны заструилась кровь. Твари редко ощущали физическую боль, но с серебряным оружием дела обстояли иначе. Существо дернулось и ухватилось за бок.

В миг замешательства противника Эф крутанулся, держа меч на уровне плеча. Одним движением он снес голову кровососа с плеч, ударив в шею чуть ниже челюсти. Вампир рефлексивно вздернул руки и тут же рухнул на пол.

Эф снова развернулся – как раз в тот момент, когда бывшая женщина взмыла в воздух. Она перескочила через стол и прыгнула на него, выставив два когтистых средних пальца, чтобы расцарапать ему лицо, но Эфу удалось отбиться от ее рук, и вампириша пролетела мимо и впечаталась в стену. После расправы над первым вампиром оба меча выпали из рук Эфа. Его пальцы ослабли. «О да, да, прошу вас... я так хочу сдаться».

Стригой мигом вскочил на все четыре конечности и повернулся лицом к Эфу. Его сверлили глаза вампириши, суррогаты Владыки, той злобной сущности, которая отобрала у него все. Гнев Эфа вспыхнул с новой силой. Он быстро вытащил свои крючья и приготовился к броску. Стригой атаковал, но человек был готов. Бородка твари подрагивала на фоне горла – идеальная цель. Эф делал это сотни раз, как рабочий на рыбозаводе, снимающий чешую с громадного тунца. Один из крюков вонзился в горло за кожаной складкой, быстро вошел вглубь, зацепился за хрящевую трубку, в которой размещается гортань, и впился в жало. Поташив крюк на себя – сильно поташив, – Эф заблокировал жало и вынудил тварь со свиным визгом упасть на колени.

Другой крюк вошел в глазницу, а большой палец Эфа уперся в челюсть вампириши, не давая ей открыть рот.

Как-то летом, много-много лет назад, отец показал ему этот прием, когда они ловили змей на северной речушке. «Зажимай челюсть, – сказал отец, – блокируй пасть, чтобы она не могла ужалить». Не многие змеи были ядовиты, но большинство больно кусалось, а в пасти у них хватало бактерий, чтобы последствия контакта оказались достаточно тяжелыми. И тут выяснилось, что Эф – городской мальчишка Эф – может ловко ловить змей. У него это получалось естественно. Ему удалось как-то раз с гордостью продемонстрировать этот навык сыну, когда он поймал змею в дверях их дома, – Зак тогда был совсем маленьким. Он чувствовал себя суперменом, героем. Но это было давно. За триллион лет до новой эры.

И вот теперь Эф, ослабевший и неуверенный, вкладывая всю свою агрессию и волю, пытался прикончить сильное немертвое существо, горячее на ощупь. Он не стоял по колено в прохладном калифорнийском ручье и не выбирался из своего минивэна, торопясь поймать городскую змею. Он подвергался реальной опасности. Он чувствовал, как его подводят мышцы. Силы покидали его. «Да... да... я бы хотел сдаться...»

Собственная слабость еще больше злила его. Он вспомнил все, что потерял: Келли, Нору, Зака, весь мир – и дернул изо всех сил, с диким криком вырвал трахейную трубку, разодрал прочный хрящ. В тот же миг челюсть щелкнула и выпала из суставов под его грязным пальцем. Хлынула струя червивой крови, и Эф отпрыгнул назад, тщательно избегая паразитов, пританцовывая, как боксер в недосягаемости от противника.

Вампириша вскочила на ноги, скользнула по стене, – борода и шея были разодраны, из них бил пульсирующий фонтан. Эф сделал ложный выпад, вампириша отступила на несколько шагов, с сопением и воплем, издавая еще какой-то противный звук, похожий на утиное кряканье. Эф снова подался вперед, и на сей раз противник никак не прореагировал. Эфу удалось привести движения твари к определенному ритму, но тут она вдруг напряглась и бросилась наутек.

Если бы Эф когда-нибудь составил список правил борьбы с вампирами, то одним из первых стояло бы: «Никогда не преследуй убегающего вампира». Ничего хорошего из этого не могло выйти. Вампиры за последние два года разработали скоординированные стратегии атаки. Бегство было либо затяжкой, либо неприкрытой хитростью.

И тем не менее Эф в своей ярости сделал то, чего не должен был делать, – знал, что не должен. Он подобрал мечи и бросился в погоню за стригоем к двери с надписью «ЛЕСТНИЦА». Под влиянием злости и жутковатого желания отомстить за всех сразу он распахнул дверь и пробежал два пролета вверх. Там вампириша покинула лестницу, и Эф последовал за ней. Она вприпрыжку бежала по коридору, а Эф неся сзади с длинными мечами в обеих руках. Тварь повернула налево, потом направо, оказалась еще на одной лестнице, взбежала вверх на один пролет.

Эф выбился из сил, и к нему вернулось здравомыслие. Он увидел вампиришу в дальнем конце коридора и почувствовал, что та замедлила бег – поджидает его, желая убедиться, что он увидел, куда она направилась.

Он остановился. Ловушкой это быть не могло. Он только что появился в больнице – у них не было времени подстроить западню. Времени не оставалось. Значит, единственная причина, по которой вампириша вела его за собой в этой идиотской погоне, состояла в том...

Эф зашел в ближайшую палату, пересек ее, направляясь к окну. Стекло было исполошено черным маслянистым дождем. Город внизу едва виднелся за струями грязной воды, стекающими по стеклу. Прижавшись к нему лбом, Эф напряг зрение, чтобы разглядеть, что происходит на улице.

Он различил темные пятна, похожие на человеческие фигуры, они неслись к бульвару из соседних зданий, заполняли улицу внизу. Их число все росло, они появлялись из дверей, выбегали из-за углов, словно пожарные, мчащиеся на пожар высшей категории сложности.

Эф отпрянул от окна. Телепатический вызов сработал безотказно. Один из архитекторов сопротивления доктор Эфраим Гудвезер оказался в ловушке в здании больницы «Бельвью».

Подземка на Двадцать восьмой улице

Нора стояла на углу Парка и Двадцать восьмой, дождь хлестал по капюшону ее дождевика. Она знала: нельзя останавливаться, но ей необходимо было убедиться, что ее не преследуют. Если да, то спуск в подземку станет не спасением, а западней.

У вампиров глаза по всему городу. Она должна выглядеть как обычный человек по пути на работу или домой. Но проблема в том, что рядом идет ее мать.

– Я же тебе сказала, нужно позвонить домовладельцу! – воскликнула Мариела, скидывая капюшон и подставляя дождю лицо.

– Мама! – одернула ее Нора, снова надевая капюшон на голову матери.

– Почини наконец душ.

– Ш-ш-ш! Тихо!

Нужно было двигаться. Хотя мать и шла с трудом, но по крайней мере на ходу она помалкивала. Нора обняла ее за поясницу, притянула к себе, ступая с тротуара на проезжую часть. В этот момент к перекрестку подъехал армейский грузовик. Нора вернулась на тротуар, откуда, опустив голову, смотрела на проезжающую машину. За рулем сидел стригой. Нора крепко держала мать, чтобы та не шагнула на дорогу.

– Вот подожди – увижу домовладельца, он еще пожалеет, что рассердил нас.

Слава богу, шел дождь. В дождь нужно было надевать плащ, а значит, и капюшон. Старых и больных давно всех отловили. Тот, кто вышел из детородного возраста, не имел права на существование в новом обществе. Нора никогда бы не пошла на риск выйти на улицу с матерью, но у нее не было выбора.

– Мама, давай опять поиграем в молчанку?

– Надоело мне. Надоел этот протекающий потолок.

– Ну-ка, кто дольше промолчит – ты или я?

Нора повела ее на другую сторону улицы. Впереди на столбе рядом с дорожным указателем и светофором висело мертвое тело. Трупы для устрашения вешали повсеместно, особенно много на Парк-авеню. Белка на сутулом плече мертвеца боролась с двумя голубями за право поживиться щеками повешенного.

Нора хотела было увести мать в сторону, но та даже не подняла взгляда. Они начали спускаться по скользким от грязного дождя ступенькам в подземку. Внизу Мариела снова попыталась скинуть капюшон, и Нора тут же вернула его на место и отчитала старуху.

Турникетов больше не было. Непонятно для чего на входе стояла одна старая машина для считывания проездных карточек. Но объявление «ЕСЛИ ЧТО-ТО УВИДЕЛ – СООБЩИ» осталось. Нора облегченно вздохнула. На станции были только два вампира, да и те в другом конце. К тому же они не смотрели в ее сторону. Нора провела мать на нужную платформу, надеясь, что быстро подъедет поезд маршрута № 4, 5 или 6. Она придерживала руки матери, стараясь, чтобы объятие выглядело естественным.

Вокруг, как и в прежние дни, стояли пассажиры, приехавшие из пригорода. Кто-то читал. Некоторые слушали музыку с портативных проигрывателей. Не было только мобильных и газет.

На одной из колонн, к которым прислонялись люди, висело полицейское объявление «Разыскивается» с изображением Эфа – копией фотографии с его старого удостоверения. Нора закрыла глаза и безмолвно выругалась в его адрес. Именно его они ждали в морге. Норе там не нравилось – не потому, что она была брезглива (уж в этом ее никак нельзя было обвинить), а потому, что здание представлялось слишком доступным. Гус (в прежней жизни гангстер, который после судьбоносной встречи с Сетракяном стал для них близким товарищем по оружию) вырыл себе нору под землей. А у Фета был остров Рузвельта, куда она сейчас и направлялась.

Как это похоже на Эфа. Гений, добрый человек, но всегда опаздывает на несколько минут. Вечно он несется как сумасшедший, чтобы успеть.

Из-за него она осталась там еще на один день. Из неуместной преданности – и да, возможно, из чувства вины – Норе хотелось наладить с ним взаимопонимание, встретиться, убедиться, что с ним все в порядке. Стригои вошли на первый этаж морга; Нора набирала текст на одном из компьютеров, когда услышала звон стекла. У нее хватило времени найти мать – та спала в кресле-каталке. Нора могла бы убить вампиров, но тем самым выдала бы свое местонахождение и убежище Эфа – все это стало бы известно Владыке. А в отличие от Эфа она была человеком слишком ответственным и не хотела ставить под угрозу их союз, предавать его.

Предать его, раскрывая Владыке, – вот что она имела в виду. Потому что Эфа она уже предала, изменив ему с Фетом. Предала Эфа, но союз сохранила. Она чувствовала за собой огромную вину, но опять же – Эф всегда опаздывал на несколько минут, что доказал и на этот раз. А она всегда так много терпела (слишком много, в особенности учитывая его пристрастие к алкоголю) и теперь стала жить полностью для себя.

И для матери. Она почувствовала, что старуха вырывается, и открыла глаза.

– У меня волос попал на лицо, – сказала Мариела, пытаясь движением головы избавиться от него.

Нора быстро оглядела ее – ничего. Она сделала вид, что увидела выбившуюся прядку, и на мгновение отпустила руку матери, чтобы отвести волосы с лица.

– Убрала, – сказала она. – Теперь все в порядке.

Но по тому, как заерзала мать, Нора поняла, что уловка не сработала. Мариела попыталась сдуть волосок.

– Щекочет. Отпусти-ка!

Нора почувствовала, как две-три головы повернулись в их сторону. Она отпустила руку матери. Старуха провела ладонью по лицу, потом попыталась сбросить капюшон.

Девушка тут же накинула капюшон ей на голову, но на какое-то мгновение неухоженные волосы старухи сверкнули предательской сединой.

Нора услышала, как кто-то рядом охнул, и подавила желание повернуться на этот звук. Она старалась выглядеть как можно менее подозрительно. До нее донесся шепоток, а может, только послышалось.

Она наклонилась к желтой линии в надежде увидеть огни приближающегося поезда.

– Вот он! – закричала мать. – Родриго! Я тебя вижу. Не валяй дурака!

Мариела звала домовладельца тех времен, когда Нора была еще ребенком. Нора помнила его – тощий как жердь, с копной черных волос и бедрами такими узкими, что ему постоянно приходилось подтягивать пояс. Мужчина, к которому мать обращалась теперь (черноволосый, но ничуть не похожий на Родриго тридцатилетней давности), внимательно смотрел на нее.

Нора притянула мать к себе, попыталась ее успокоить, но та вывернулась, а когда снова окликнула несуществующего домовладельца, капюшон соскользнул с ее головы.

– Мама, – взмолилась Нора. – Прошу тебя, посмотри на меня. Помолчи.

– Как заигрывать со мной, он тут как тут, а когда нужно что-то сделать...

Нора попыталась рукой закрыть ей рот, снова накинула на голову старухи капюшон, но этим лишь привлекла еще больше внимания.

– Мама, пожалуйста. Нас поймают.

– Ленивый ублюдок, вот он кто!

Даже если мать примут за пьяницу, беды не избежать. Алкоголь был под запретом, потому что ухудшал свойства крови и провоцировал асоциальное поведение.

Нора повернулась, прикидывая, не покинуть ли им платформу, но тут увидел в туннеле яркие огни поезда.

– Мама, наш поезд. Ш-ш-ш! Вот он подходит.

Поезд притормозил. Нора ждала у первого вагона. Несколько пассажиров вышли на платформу, после чего Нора затолкнула мать внутрь, нашла два свободных места рядом. Поезд маршрута № 6 довезет их до Пятьдесят девятой улицы в считанные минуты. Она поправила капюшон на голове матери, дожидаясь, когда же закроются двери.

Нора обратила внимание, что никто не сел рядом с ними. Она бросила взгляд вдоль вагона и успела заметить, как другие входящие пассажиры быстро отворачиваются. Потом она посмотрела на платформу и увидела молодую пару, которая разговаривала с двумя полицейскими (не стригоями) Службы управления городским транспортом; молодые люди показывали на первый вагон поезда. Показывали на Нору.

«Закрывайтесь, двери», – безмолвно взмолилась она.

И двери закрылись. С той самой непредсказуемой решительностью, какую всегда демонстрировал нью-йоркский транспорт, створки сошлись. Нора ждала привычного рывка – ей не терпелось вернуться на свободный от вампиров остров Рузвельта и ждать там возвращения Фета.

Но поезд не трогался. Она одним глазом оглядывала пассажиров в другом конце вагона, другим следила за полицейскими, которые направлялись теперь к вагону в сопровождении двух стригоев, пялясь на Нору красными глазами. За ними стояла законопослушная молодая пара, указавшая полиции на девушку и старуху.

Эти двое полагали, что поступают правильно, подчиняясь новым законам. А может, просто были зловредными. Ведь всем остальным пришлось сдать своих стариков главенствующему роду.

Дверь открылась, и первым вошел полицейский. Даже если бы ей удалось прикончить двух братьев по роду человеческому, затем двух стригоев и убежать со станции, сделать это она могла только без матери. Но сделать это, не пожертвовав матерью (обрекая ее на арест или смерть), было невозможно.

Полицейский протянул руку и скинул капюшон с головы миссис Мартинес.

– Дамы, – сказал он, – вам придется пройти с нами.

Нора осталась сидеть, он положил руку ей на плечо и сильно сдавил:

– Немедленно.

Больница «Бельвью»

Эф отпрянул от окна: вампиры собирались внизу на улице перед дверями больницы. Он прокололся... Страх обжег желудок. Он попался.

Первым его порывом было бежать дальше вверх, выиграть время, выбравшись на крышу, но дальше – тупик. Единственное преимущество крыши состояло в том, что с нее можно было броситься на асфальт – выбрать между смертью и обращением.

Если бежать вниз, придется прорубаться через толпу стригоев. А это все равно что пробираться через рой пчел-убийц: уж раз-то его точно ужалят, а этого вполне достаточно.

Значит, бегство исключается. Как и самоубийственная схватка. Но он немало времени провел в больницах и мог считать их своей территорией. Преимущество на его стороне. Остается только понять, в чем оно состоит.

Эф проскочил мимо застывших лифтов, потом остановился, пробежал назад тем же маршрутом, замер перед панелью управления газоснабжением. Аварийный кран, перекрывающий подачу газа на этаж. Эф сорвал пластиковый щиток, убедился, что заслонка открыта, и принялся молотить по конструкции, пока не услышал характерного шипения.

Затем он бросился к лестнице, поднялся на один этаж, побежал к панели управления подачей газа, раскурочил и ее. Он вернулся на лестницу и услышал, как кровососы наводняют здание. Делали они это молча – потому что голоса у них не было. До него доносилось только шлепанье мертвых босых ног по ступенькам.

Эф рискнул и поднялся еще на этаж, затем быстро разворотил панель и здесь. Он нажал кнопку вызова ближайшего лифта, но не стал ждать, вместо этого принялся искать служебные лифты, на которых санитары перевозили продукты и лежащих пациентов. Нашел их, нажал кнопку и замер в ожидании.

Адреналин выживания и погони зарядил его кровь – средство не менее действенное, чем любой искусственный стимулятор. Он понял, что именно такой эйфории искал в медикаментозных средствах. Чувствительность рецепторов удовольствия притупилась после многочисленных схваток, которые могли закончиться его смертью. Слишком часто испытывал он эйфорию, слишком часто настроение его падало ниже плинтуса.

Дверь лифта открылась, он вошел в кабину и нажал кнопку «П» – «подвал». Объявления предупреждали о важности сохранения врачебной тайны и необходимости мыть руки. С грязного постера Эфу улыбался ребенок. Он сосал леденец и подмигивал ему, подняв вверх большой палец. «ВСЕ БУДЕТ ТИП-ТОП», – сообщал печатный идиот. На постере был график педиатрических конференций, проходивших миллион лет назад. Эф засунул один меч назад в сумку; цифры этажей сменяли друг друга, приближаясь к «П». Потом свет внутри погас, кабинка дернулась и остановилась между этажами – заело. Такое развитие событий было катастрофой, но через несколько секунд кабинка дернулась и снова двинулась вниз. Как и все остальное, лифты требовали регулярного обслуживания, а потому доверяться этому средству передвижения не стоило... конечно, если у тебя был выбор.

Раздался звонок, и дверь наконец открылась. Эф вышел в служебное крыло больницы подвала. У стены, словно тележки в супермаркете в ожидании покупателей, сгрудились носилки с голыми матрасами. Гигантская тележка с парусиновым кузовом для подвоза белья в прачечную стояла под открытым концом желоба, выходящего из стены.

В углу на нескольких колесных платформах с длинными ручками жались друг к другу с десятков кислородных баллонов, покрашенных в зеленый цвет. Эф быстро, насколько позволяло его усталое тело, затолкал баллоны во все три кабинки лифтов – по четыре в каждую. Он сдирал с них металлические колпачки, которыми молотил по соплам до утешительного шипе-

ния, свидетельствующего об утечке газа. Затем нажал кнопки верхнего этажа во всех кабинках, и все три двери закрылись.

Эф вытащил из своей сумки полупустую банку жидкости для розжига угля. Коробок со всепогодными спичками лежал где-то в кармане плаща. Дрожащими руками он перевернул тележку с бельем перед тремя лифтами, вывалив грязное тряпье на пол, потом со злобной радостью выдавил из полиэтиленовой банки горючую жидкость, чиркнул двумя спичками и бросил их на бельевую кипу, которая вспыхнула, издав жаркое «пых». Эф нажал кнопку вызова всех трех лифтов (они управлялись каждый отдельно с панели служебного помещения), а потом побежал прочь, как полоумный, пытаясь найти выход.

У зарешеченной двери Эф увидел большую панель управления с цветными трубками, вытащил из стеклянного шкафчика пожарный топор, который показался ему таким увесистым, таким большим. Он последовательно размолотил уплотнения всех трех подающих трубок, используя скорее вес топора, чем собственные иссякающие силы, и услышал свист газа. Потом толкнул дверь и оказался под морозящим дождем посреди раскисшей от дождя садовой площадки, обставленной скамейками. Неровные дорожки выходили на Франклин-Рузвельт-драйв и разбухшую Ист-Ривер. Почему-то в голову ему пришли строки из старого фильма «Молодой Франкенштейн»: «Могло быть хуже. Мог бы идти дождь». Эф фыркнул. Он смотрел это кино вместе с Заком. И потом много недель они цитировали друг другу самые ходовые словечки и реплики оттуда. «Там волк... Там замо́к».

Он очутился на заднем дворе больницы. Добежать до улицы времени не оставалось, и Эф понесся по маленькому саду, стараясь оставить здание как можно дальше позади. Добравшись до дальней границы сада, он увидел вампиров, забирающихся на высокую стену со стороны Рузвельт-драйв. Новые убийцы, отправленные Владыкой; над ними под дождем поднимался парок: высокая температура тела – следствие ускоренного метаболизма.

Эф подскочил к ним, каждую секунду ожидая, что здание за спиной взлетит на воздух. Он скинул нескольких вампиров со стены, те приземлились на ноги и руки, но немедленно выпрямились, как бессмертные в видеоигре. Эф побежал по стене к зданиям Медицинской школы Нью-Йоркского университета, стараясь как можно дальше уйти от «Бельвью». Прямо перед ним вампирская рука с длинными когтями уцепилась за край стены, появилась плешивая голова, сверкнули налитые кровью глаза. Эф упал на колени, сунул лезвие меча в разверстый рот стригоя, кончик вошел заднюю стенку глотки. Но Эф не пронзил его насквозь, не уничтожил. Серебряный клинок обжигал стригоя, не давая распахнуть челюсти и выпустить жало.

Вампир не мог пошевелиться. Его глаза в красном ободке смотрели на Эфа с мукой и смятением.

– Ты меня видишь? – спросил Эф.

Глаза стригоя никак не реагировали. Эф обращался не к нему, а через него – к Владыке.

– Ты видишь вот это?

Он повернул меч так, чтобы вампир невольно посмотрел на «Бельвью». Другие твари карабкались на стену, а кто-то уже выбегал из больницы, поняв, что Эфу удалось уйти. У него оставались считанные мгновения. Он опасался, что теракт сорвался, что газ нашел выход из здания.

Эф снова посмотрел на лицо вампира, словно на самого Владыку:

– Верни мне сына!

Не успел он произнести последнее слово, как здание взлетело на воздух, швырнув его вперед. Меч пронзил шею стригоя насквозь. Эф скатился со стены, не выпуская рукояти, клинок выскользнул из рта вампира.

Эф приземлился на крышу брошенного автомобиля, одного из многих стоящих в проезде. Вампир рухнул рядом на дорогу. Вся сила удара при падении пришлась на бедро. Перекрывая звон в ушах, до Эфа донесся свистящий вопль, и он поднял голову навстречу черному

дождю. Он увидел что-то похожее на ракету – оно мелькнуло в высоте, описало дугу и плюхнулось в реку. Кислородный баллон.

На асфальт обрушился град тяжелых кирпичей. Осколки стекла сыпались под дождем, словно бриллианты. Эф укрыл голову курткой и соскользнул с помятой автомобильной крыши, стараясь не замечать боль в боку.

Только поднявшись, он увидел, что глубоко в голень ему вошли два осколка стекла. Он вытащил их – из ран хлынула кровь. И тут Эф услышал возбужденный всхлип...

В нескольких метрах от него на спине лежал оглушенный вампир, белая кровь сочилась из дыры в задней части шеи, но при запахе крови он все еще чувствовал волнение и голод. Кровь человека приглашала его отобедать.

Эф посмотрел на лицо твари, ухватил за вывернутый подбородок, заглянул в красные глаза, перевел взгляд на серебряное острие меча.

– Мне нужен мой сын, ты слышишь, сука?! – прокричал Эф.

В следующий миг яростным ударом он избавил стригоя от страданий, отделив голову от туловища и разорвав связь с Владыкой.

Прихрамывая, истекая кровью, он выпрямился.

– Зак... – пробормотал он. – Где ты?..

С этими словами он начал долгий путь домой.

Центральный парк

Замок Бельведер в северной оконечности озера в Центральном парке близ проезда, пересекающего парк в створе Семьдесят девятой улицы, был построен в стиле высокой викторианской готики и романского «каприза» Джейкобом Ри Моулдом и Калвертом Воксом, первыми архитекторами парка. Закария Гудвезер знал одно: замок выглядит жутковато и круто, и именно это всегда и притягивало мальчика. Средневековый (по его представлениям) замок в центре парка, в центре города. Ребенком он сочинял всякие истории про этот замок – будто бы тот на самом деле был гигантской крепостью, сооруженной крохотными троллями по заказу первого архитектора города, темного лорда по имени Бельведер, который обитал в подземелье глубоко под замковой скалой и навещался в темную цитадель по ночам, чтобы присматривать за своими созданиями по всему парку.

Это случалось в те времена, когда Заку приходилось сочинять истории о сверхъестественном и небывалом. Когда приходилось грезить наяву, спасаясь от скуки современного мира.

Теперь его грезы стали реальностью. Его фантазии материализовались. Его мечты превратились в просьбы, которые воплощались в жизнь.

Он, уже юноша, стоял в открытых дверях замка и смотрел, как черный дождь сечет парк. Капли хлестали по переполненному Черепашьему пруду, прежде подернутому поблескивающей зеленой ряской, а теперь превратившемуся в грязную черную яму. Небо над головой затянули привычные уже зловещие тучи. Без синевы в небе не было и синевы в воде. На два часа какой-то зачаточный свет просачивался сквозь беспокойные тучи, видимость при этом улучшалась до такой степени, что он даже мог разглядеть крыши города вокруг и болото как на Дагобе,² в которое превратился парк. Солнечные батареи, питавшие фонари, не успевали за два светлых часа набрать энергии, чтобы освещать парк оставшиеся двадцать два часа тьмы, их свет ослаб вскоре после того, как вампиры вышли из своих подземных убежищ в сумерки дней.

За прошедший год Зак вырос, и вырос сильным, последние несколько месяцев его голос менялся, подбородок обрел решительные очертания, тело вытягивалось не по дням, а по часам. Крепкие ноги легко поднимали его по ближайшей лестнице,худосочной металлической спирали, ведущей в Обсерваторию природы Генри Люса на втором этаже. Вдоль стен и на стеклянных стендах оставались скелеты животных, перья, птицы из папье-маше на фанерных деревьях. Центральный парк когда-то был лучшим местом в Соединенных Штатах для наблюдения за птицами, но изменение климата покончило с этим, вероятно, навсегда. В первые недели после землетрясений и извержений вулканов, спровоцированных разрушениями ядерных реакторов и взрывами боеголовок, темное небо, повисшее над землей, было переполнено птицами. Их крики и зовы не стихали всю ночь. Птицы гибли массово, крылатые трупы падали с небес вместе с черным градом. В воздухе царили такие же хаос и отчаяние, какие и среди людей на земле. Не стало теплых краев для перелета на зиму. Много дней земля была в буквальном смысле укрыта подрагивающими на ветру почерневшими крыльями. Праздник живота для крыс, которые жадно набросились на падаль. Мучительное чириканье оттеняло дробь падающего с небес града.

Но теперь парк, если не шел дождь, был тих и спокоен, рыба в его озерах вымерла. В грязи и слизи, покрывающих землю и дорожки, виднелись почерневшие кости и перья. По деревьям иногда прыгали облезлые белки, но их популяция сильно сократилась. Зак посмотрел в один из телескопов (он затолкал камень размером в четверть доллара в щель монетоприемника, телескоп теперь работал без денег), и поле его зрения растворилось в тумане и плотном дожде.

² Дагоба – вымышленная планета из киноэпопеи «Звездные войны», мир болот и окаменевших лесов.

До прихода вампиров в замке располагалась метеорологическая станция. Большая часть оборудования осталась на чердаке островерхой башни и внутри огороженной площадки к югу от замка. Нью-йоркские радиостанции обычно начинали сообщения о погоде со слов: «Температура в Центральном парке...», а дальше следовала цифра, которую они получали из башни обсерватории. Стоял июль, а может быть, август, время, известное как «самое пекло», и наивысшая температура, какую видел на приборах Зак в один из особо мягких вечеров, составляла шестьдесят один по Фаренгейту, или шестнадцать по Цельсию.

Зак родился в августе. В одном из кабинетов висел календарь двухлетней давности, и он теперь жалел, что не вел счет уходящих дней аккуратнее. Сколько ему сейчас – тринадцать? Вроде бы. Он решил, что так и есть. Формально он стал тинейджером.

Зак все еще помнил (хотя и смутно) те времена, когда отец в один солнечный день привел его в здешний зоопарк. Они пришли на выставку, потом поели фруктового мороженого на каменной стене, с которой открывался вид на метеорологическое оборудование. Зак помнил, что рассказал тогда отцу, как ребята в школе иногда отпускают шутки насчет его фамилии и говорят, что Зак, когда вырастет, непременно станет метеорологом.³

«А кем ты хочешь стать?» – спросил отец.

«Смотрителем в зоопарке, – ответил Зак. – И еще, может, мотогонщиком».

«Неплохо», – похвалил отец, и они бросили пустые стаканчики в мусорную корзину, а потом отправились на представление.

А в конце того дня, прекрасно проведя время, отец и сын дали себе зарок повторить экскурсию. Но у них так и не получилось. Как и многие обещания в истории Зака и Эфа, это осталось невыполненным.

Вспоминать об этом было все равно что воскрешать в памяти старый сон, которого он, может, никогда и не видел. Его отец давно исчез, погиб вместе с профессором Сетракином и остальными. Изредка Зак слышал доносящиеся из города взрывы, видел густое облако дыма или пыли, поднимающееся навстречу дождю, и тогда задавался вопросами. Видимо, остались еще люди, сопротивлявшиеся неизбежному. Это наводило Зака на воспоминания о енотах, не дававших покоя его семье однажды во время рождественских каникул, – они расшвыривали мусор, как бы прочно ни запирали отец бачок. Вот и взрывы в городе что-то вроде этого, думал он. Досадное неудобство, не более.

Зак оставил заплесневевший экспонат и спустился по лестнице. Владыка выделил ему комнату, и Зак сделал из нее подобие своей спальни в их старом доме. Вот только в его старой спальне не было видеоэкрана во всю стену, взятого из офиса кабельного телевидения на Таймсквер. Не было у него прежде и вендингового автомата, не было целых стеллажей из книжного магазина с комиксами. Зак пнул игровой контроллер, оставленный на полу, и упал в одно из шикарных кожаных кресел со стадиона «Янки» – из тех, что располагались за бейсбольной базой. Иногда привозили ребят поиграть с ним, или же он играл с ними в онлайн на специальном сервере – и всегда выигрывал. Все остальные потеряли навык. Постоянно выигрывать тоже надоедало, в особенности когда новые игры не выпускали.

Поначалу ему было страшно в замке. Он знал все истории, которые рассказывали про Владыку. Он ждал, что его обратят в вампира, как маму, но этого так и не случилось. Почему? Ему так и не объяснили; впрочем, он и не спрашивал. Он был гостем и, единственный человек здесь, стал кем-то вроде знаменитости. За два года, что Зак пребывал в качестве гостя Владыки, ни один другой невампир не был допущен в Бельведер или хотя бы в его окрестности. То, что сначала казалось похищением, позднее, со временем, стало казаться отбором. Чем-то вроде призвания. Словно для него в этом новом мире оставили специальное место.

³ Фамилия Goodweather в дословном переводе означает «хорошая погода».

Зака выбрали из множества таких же людей. Он не знал почему. Он знал одно: существо, предоставившее ему такие привилегии, было абсолютным властелином нового мира. И по какой-то причине Зак был нужен ему.

Истории, что слышал Зак (о страшном гиганте, безжалостном убийце, воплощении зла), оказались явным преувеличением. Прежде всего, Владыка был среднего для взрослого человека роста. А для твари столь древней он выглядел довольно моложаво. Черные глаза смотрели пронзительно, Зак видел, как они могут навевать ужас на того, кто попал в немилость. Но за ними проступали (для того, кому повезло и кто мог, как Зак, заглянуть в них) глубина и темнота, недоступная человеческому пониманию; мудрость, уходящая в глубь времен; разум, соединенный с более высоким уровнем бытия. Владыка был вождем громадного клана вампиров города и всего мира, армии существ, которые отвечали на его телепатический зов, посылаемый с замкового трона в заболоченном центре Нью-Йорка.

Повелитель владел магией. Пусть дьявольской магией, но другой Зак не знал. Добро и зло стали расплывчатыми понятиями. Мир изменился. Ночь обернулась днем. То, что было низом, стало верхом. Король вампиров являл собой свидетельство того, что высшие силы существуют. Сверхчеловеческие. Божественные. Его могущество было чрезвычайно.

Взять, например, астму Зака. Воздух в новом климате крайне испортился из-за застоя, повышенного содержания озона и рециркуляции взвешенных частиц. При плотном облачном покрывале, словно грязное одеяло все прижимавшем к земле, метеорологические условия и океанические ветра были не в силах освежить городские воздушные потоки. Нарастала плесень, и в воздухе летали споры.

Но с Заком все было в порядке. Даже лучше того – легкие его очистились, и он дышал теперь без хрипов и сипения. Да что говорить, за все время пребывания при Владыке у него не случилось ни одного приступа астмы. Он уже два года не пользовался ингалятором, потому что больше не нуждался в нем.

Его дыхательная система полностью зависела от вещества гораздо более эффективного, чем альбутерол и преднизон. Великолепная белая капелька крови Владыки (для внутреннего употребления раз в неделю вампир прокалывал свой палец над высунутым алчущим языком Зака) очищала легкие юноши, позволяла ему дышать свободно.

То, что поначалу представлялось жутким и отвратительным, теперь стало казаться божественным даром: молочно-белая кровь со слабым электростатическим зарядом, с привкусом меди и горячей камфары. Горькое лекарство, но его воздействие было настоящим чудом. Любой человек, страдающий от астмы, отдал бы все на свете, чтобы больше не чувствовать удушающую панику астматического приступа.

Потребление крови не превратило Зака в вампира. Владыка принимал меры, чтобы кровяные черви не попадали на язык. Его единственным желанием было видеть Зака здоровым и счастливым. И в то же время истинная причина близости Зака к повелителю и восхищения им состояла не во власти, которой тот обладал, а скорее во власти, которой тот делился. Зак был явно особенным. Он был другим, возвышенным среди людей. Владыка выделял его из всех, жаловал его вниманием. Владыка подружился (за отсутствием термина получше) с ним.

Вот взять зоопарк. Узнав, что повелитель собирается закрыть его навсегда, Зак стал возражать. И тогда Владыка сказал, что пощадит его, передаст весь зоопарк в распоряжение мальчика, но при одном условии – заботиться о нем будет сам Зак. Должен будет кормить животных, чистить клетки – все сам. Зак схватился за эту возможность, и зоопарк Центрального парка стал принадлежать ему. Вот так. (Ему предлагали и карусель, но карусели – они для детишек, и Зак помог разобрать их.) Владыка умел делать подарки, как настоящий джинн.

Зак, конечно, не понимал, сколько труда потребует от него этот зоопарк, но старался изо всех сил. Изменившаяся атмосфера быстро погубила некоторых животных, включая малую панду и большинство птиц, что только облегчило задачу. Поскольку никто его не подгонял,

Зак все реже кормил зверей. Его зачаровывало убийство одного животного другим, как млекопитающих, так и рептилий. Большой снежный барс был его любимчиком, но Зак и боялся его больше всех. А потому кормил барса регулярно: поначалу большими шматами мяса – их через день привозил грузовичок. Один раз привезли живую козу. Зак завел ее в клетку и смотрел из-за дерева, как барс подбирается к жертве. Потом привезли овцу. Потом олененка.

Но время шло, и зоопарк приходил в запустение. В клетках скопился помет, а Заку надоело его вычищать. По прошествии нескольких месяцев он стал страшиться зоопарка и все больше пренебрегать своими обязанностями. Ночами он слышал вой животных, но снежный барс молчал.

Прошло больше полугода, и Зак пришел к Владыке сказать, что не справляется с работой.

Тогда зоопарк закроется, а животных уничтожат.

– Я не хочу, чтобы их уничтожали. Я просто... не хочу больше заботиться о них. Вы могли бы поручить это кому-нибудь из своих, они никогда не станут жаловаться.

Ты хочешь, чтобы я его содержал только для твоего удовольствия?

– Да. – Зак просил о вещах еще более необычных и никогда не знал отказа. – А почему нет?

При одном условии.

– Каком?

Я видел тебя с барсом.

– Да?

Видел, как ты кормишь его животными: он подкрадывался и пожирал их. Тебя влекут его проворство и красота. Но его сила пугает тебя.

– Пожалуй.

И еще я видел, как ты моришь голодом других зверей...

– Их слишком много, я не успеваю... – возразил было Зак.

Я видел, как ты стравливаешь их. Вполне естественное любопытство. Смотреть, как слабые ведут себя в состоянии стресса. Захватывающее занятие? Смотреть, как они борются за жизнь...

Зак не знал, признавать ему это или нет.

Эти животные твои – делай с ними что хочешь. Включая барса. Ты убираешь его клетку, ты кормишь его по собственному усмотрению. Ты не должен его бояться.

– Ну... я и не боюсь. Правда.

Тогда... почему бы тебе не убить его?

– Что?

Ты никогда не представлял, что будешь чувствовать, убивая такое животное?

– Убить его? Убить снежного барса?

Тебе наскучило ухаживать за животными в зоопарке, потому что это неестественное, искусственное занятие. У тебя правильные инстинкты, а метод ошибочный. Ты хочешь владеть примитивными существами. Но они не предназначены для содержания. В них слишком много силы. Слишком много гордости. Есть единственный способ по-настоящему завладеть животным. По-настоящему присвоить его.

– Убить.

Докажи, что способен на это, и я вознагражу тебя – твой зоопарк возродится, зверей будут кормить, за ними будут ухаживать, и ты избавишься от всех забот...

– Я... я не могу.

Потому что он красивый или потому что ты его боишься?

– Просто... не могу.

Я всегда отказывал тебе лишь в одном. Помнишь, о чем ты просил, а я не давал тебе?

– О заряженной винтовке.

Я прикажу, чтобы для тебя наготове держали винтовку в зоопарке. Решение остается за тобой... Я хочу, чтобы ты определился.

На следующий день Зак пошел в зоопарк, просто чтобы подержать в руках заряженную винтовку. Он нашел ее у входа на столе под зонтом – небольшая новенькая винтовка с прикладом из амбрового дерева, амортизирующим затыльником и оптическим прицелом. Весила она всего полтора килограмма. Он осторожно пронес ее по зоопарку, наводя на разные цели. Он хотел пострелять, но не знал, сколько внутри патронов. Винтовка была однозарядная, и он не был абсолютно уверен, что сможет ее перезарядить, даже если ему дадут патроны. Зак прицелился в табличку с надписью «ТУАЛЕТЫ» и прикоснулся к спусковому крючку – даже не нажал, но винтовка прыгнула в руках. Приклад ударил в плечо, отдача отбросила юношу назад. Раздался громкий выстрел. Зак охнул, увидев дымок, выходящий из ствола, потом посмотрел на табличку: между буквами «у» и «а» зияла дыра.

Следующие несколько дней Зак тренировался в точности стрельбы, выбрав в качестве целей изящных и причудливых бронзовых животных на часах Делапорта.⁴ Часы все еще каждые полчаса играли мелодии. Фигуры двигались по кругу, и Зак прицелился в бегемота со скрипкой. Первые два заряда вообще никуда не попали, а третий угодил в козу с дудками. Зак с разочарованием перезарядил винтовку и, усевшись на скамейку неподалеку от часов, стал ждать следующего круга, но задремал под звуки далеких сирен. Колокола разбудили его тридцать минут спустя. На этот раз он целился с учетом движения, а не прямо в выбранное животное. Три выстрела в бегемота – он отчетливо слышал, как рикошетят пули от бронзы. Два дня спустя коза потеряла кончик одной из своих дудок, а пингвин – часть барабанной палочки. Теперь Заку удавалось поражать фигуры быстро и точно. Он чувствовал, что готов.

Обиталище снежного барса состояло из водопада и леска, в котором березы перемежались бамбуком, и все это под натянутой высоко сеткой из нержавеющей стали. Площадка резко уходила вверх, в склон были вделаны похожие на туннели трубы, которые вели в смотровую зону и заканчивались окнами.

Барс стоял на скале и смотрел на Зака – появление мальчика у него ассоциировалось с кормежкой. От черного дождя шкура самки потемнела, но вид она сохраняла величественный. Оттолкнувшись всеми четырьмя лапами, она при желании – например, преследуя дичь – могла прыгнуть на двенадцать или пятнадцать метров.

Она сошла со скалы, описала круг. Выстрелы насторожили зверя. Почему Владыка хотел, чтобы Зак убил ее? Какой цели послужит ее смерть? Это походило на жертвоприношение, словно Зака просили убить храбрейшее животное ради спасения остальных.

Мальчик был потрясен, увидев, что барс в несколько прыжков приблизился к сетке и обнажил зубы. Голодный зверь разочаровался: появление человека не сопровождалось запахом еды, к тому же его встревожил выстрел, хотя Заку казалось, будто дело не только в этом. Он отпрыгнул назад, но потом твердо встал на ноги и прицелился в барса в ответ на его низкое устрашающее рычание. Самка описала небольшой круг, ни на секунду не сводя глаз с Зака. Она была ненасытна, и Зак понимал, что она будет есть и есть, а если корм закончится, она без малейших угрызений совести вцепится зубами в руку, которая кормила ее. Если понадобится – оторвет и ее. Бросится в атаку.

Владыка был прав. Зак боялся этого зверя. И не без оснований. Но кто здесь кто – кто из них главнее? Разве Зак не работал на нее много месяцев, не кормил ее? Он принадлежал ей в той же мере, в какой она принадлежала ему. И вдруг, держа винтовку в руках, он понял, что это несправедливо.

⁴ Одна из достопримечательностей Центрального парка – огромные часы с шестью бронзовыми фигурами животных, которые каждый час вращаются под популярные детские мелодии.

Он ненавидел ее за самоуверенность, за силу воли. Мальчик обошел вольер, снежный барс следовал за ним по другую сторону сетки. Зак вошел на площадку «ТОЛЬКО ДЛЯ ПЕРСОНАЛА», откуда кормили зверя, посмотрел в оконце над дверкой, через которую бросал мясо или запускал живность. Глубокое дыхание Зака, казалось, заполнило все помещение. Он нырнул в опускающую дверь, и она захлопнулась за ним.

До этого Зак никогда не заходил в вольер барсов, теперь он поднял голову, посмотрел на высокий сеточный навес. На земле перед ним лежали обглоданные кости – остатки пиршеств.

Ему вдруг пришла в голову фантазия – войти в лесок и найти барса, посмотреть ему в глаза, прежде чем решить, убивать или нет. Но хлопок двери звучал как приглашение к обеду, и зверь тут же, крадучись, вышел из-за камня, специально расположенного так, чтобы скрыть зону кормежки от посетителей.

Самка резко остановилась, удивленная появлением Зака на площадке. На сей раз между ними не было стальной сетки. Она опустила голову, словно пытаясь переварить такой неожиданный поворот событий, и тут Зак понял, что совершил страшную ошибку. Он, не целясь, приставил приклад к плечу и нажал на спусковой крючок. Ничего. Он нажал снова – безрезультатно.

Мальчик передернул затвор – назад-вперед. Нажал спусковой крючок – и винтовка прыгнула в его руках. Он снова лихорадочно передернул затвор, спустил курок, до ушей дошел только звук выстрела, оглушивший его. Снова рука передернула затвор, снова палец нажал на крючок – винтовка прыгнула. Еще раз – холостой щелчок. Еще раз – патронник пуст.

И только теперь Зак понял, что барс лежит перед ним. Он подошел к животному, увидел кровавые пятна, расплзающиеся по шкуре. Глаза зверя были закрыты, мощные лапы замерли.

Зак забрался на камень и сел там, положив на колени разряженную винтовку. Эмоции переполняли его – он вдруг затрясся в рыданиях. Он чувствовал себя одновременно победителем и побежденным. Он увидел зоопарк из клетки. Начался дождь.

После этого происшествия жизнь Зака изменилась. В магазин винтовки помещалось всего четыре патрона, и на протяжении какого-то времени он каждый день возвращался в свой зоопарк, чтобы потренироваться в прицельной стрельбе по табличкам-указателям, скамейкам, веткам. Он больше рисковал. Ездил на внедорожном мотоцикле по дорожкам парка, прежде принадлежавшим бегунам трусцой, раз за разом крутился вокруг Большого луга, сворачивал на пустые проезды Центрального парка, проезжал мимо разложившихся останков, висящих на фонарях, мимо кремационных костров. По вечерам Зак ездил с выключенными огнями. Это возбуждало, добавляло остроты – настоящее приключение. Он был под защитой Владыки и не чувствовал ни малейшего страха.

Но что он чувствовал, так это присутствие матери. Связь между ними, которая, казалось, окрепла после ее обращения, теперь начала блекнуть. Существо, бывшее Келли Гудвер, теперь мало чем походило на его мать. Безволосая кожа на ее голове покрылась слоем грязи, бескровные губы утончились. Мягкие хрящи ее носа и ушей превратились в рудиментарные бугорки. С шеи свисала большая несимметричная кожная складка, а зачаточная алая борода раскачивалась, когда она поворачивала голову. Грудь усохла, туловище спереди уплотнилось, руки и ноги покрылись коркой грязи, такой плотной, что ни один ливень не мог ее смыть. Почерневшие зрачки Келли плавали в безжизненных темно-красных глазных яблоках, по большей части безжизненных... оживали они только тогда, когда (может быть, это происходило только в воображении Зака) в них появлялся огонек узнавания, напоминавший ту женщину, какой она когда-то была. Не эмоция, не выражение, а некая тень, скользившая по ее лицу и скорее лишь слегка маскировавшая вампирскую природу, чем проявлявшая прежнюю человеческую сущность. Скоротечные мгновения, которые со временем случались все реже... но их было достаточно. Его мать в большей степени психологически, чем физически, оставалась на периферии его новой жизни.

Зак, скупая, нажал рукоятку вендинговой машины, и в желобок упал батончик «Милки вей». Жуя шоколадку, он поднялся этажом выше. Зак вышел наружу, размышляя, что бы ему еще такое учинить. И, словно прочтя его мысли, мать вскарабкалась по неровному скалистому основанию, служившему фундаментом замка. Она сделала это с кошачьей сноровкой, поднялась по мокрой сланцевой поверхности, казалось, без всяких усилий. Ее босые ноги и пальцы с отросшими когтями перемещались с опоры на опору, словно она поднималась этим путем тысячу раз. Добравшись до верха, вампирша перепрыгнула на дорожку; следом за ней, скача туда-сюда на четвереньках, появились два похожих на пауков «щупальца».

Когда они приблизились, Зак, который стоял в дверях, но не вышел под дождь, даже сквозь слой грязи увидел, что ее шейная бородка налилась, увеличилась и покраснела. Это означало, что она недавно кормилась.

– Хорошо пообедала, ма? – с отвращением спросил он.

Пугало, прежде бывшее его матерью, смотрело пустыми глазами. Каждый раз, видя ее, Зак чувствовал одни и те же противоречивые позывы: отвращение и любовь. Она могла часами ходить следом, иногда удаляясь на почтительное расстояние, как осторожный волк. Однажды он протянул руку, чтобы погладить ее волосы, а потом беззвучно заплакал.

Келли вошла в замок, даже не посмотрев в сторону Зака. Ее мокрые ноги, грязные ладони и ступни «щупалец» нанесли новый слой нечистот на каменный пол. На короткое мгновение Зак увидел лицо матери, хотя и искаженное вампирской мутацией. Но в то же мгновение иллюзия рассеялась, воспоминание было загажено ни на миг не исчезавшим чудовищем, которое он не мог не любить. Остальные, кого он знал в прошлой жизни, исчезли. Это все, что осталось у Зака: сломанная кукла для компании.

Мальчик почувствовал, как тепло наполнило помещение. По замку прошел сквозняк, словно поднятый каким-то стремительным движением. Владыка вернулся, его голос зазвучал в голове Зака. Тот посмотрел на мать, поднимающуюся вверх по лестнице, и двинулся следом – хотелось узнать, что тут намечается.

Владыка

Когда-то Владыка слышал голос Господа. Когда-то таил его в себе. В некоторой степени вампир сохранил слабое подобие того состояния благодати. В конечном счете Владыка был существом с одним разумом и множеством глаз, он мог видеть все одновременно, анализировать информацию, воспринимать множество голосов своих подданных. И, как и голос Бога, голос Владыки был исполнен согласованности и противоречий, в нем сосуществовали легкий ветерок и ураган, баюканье и гром, взлет и падение, сумерки и рассвет...

Но беспредельный глас Божий охватывал все – не землю, не континенты, а мир целиком. Владыка же мог только чувствовать, но не осмысливать это, тогда как в начале времен обладал такой способностью.

«Вот что значит впасть в немилость...» – в миллионный раз думал он.

Как бы там ни было, Владыка посредством своего расплода озирает всю планету. Множество источников информации и один центральный разум. Мозг Владыки накрыл наблюдательной сетью весь земной шар. Сжал тысячепалую планету в кулак.

Только что Гудвезер, взорвав здание больницы, уничтожил семнадцать его рабов. Что ж, семнадцать потеряно, но их число вскоре восстановится – сохранение баланса инфицированных и необращенных имело для Владыки первостепенное значение.

«Щупальца» остались прочесывать близлежащие кварталы в поисках беглого доктора, искать его ментальный след. Пока что ничего не обнаружили. В конечном счете победа была обеспечена, великий шахматный матч завершился, вот только противник никак не хотел признать поражение – вынуждал Владыку гоняться за последней фигурой по всей доске.

Но последняя фигура на самом деле не Гудвезер, а «Окцидо люмен», единственное сохранившееся издание проклятого текста. Мало того что в книге подробно рассказывается о таинственном появлении на свет Владыки и Патриархов, там также имеется инструкция по его, Владыки, уничтожению (то есть указывается место его происхождения), нужно только знать, где искать.

К счастью, нынешний владелец книги – безграмотное животное. Фолиант похитил на аукционе старый профессор Авраам Сетракян, который в то время был единственным человеком на земле, владевшим необходимыми знаниями для расшифровки книги и ее сокровенных тайн. Но у старика-профессора не хватило времени прочесть «Люмен» – Сетракян умер. И за короткие мгновения телепатической связи между Владыкой и Сетракяном (за те драгоценные секунды между обращением старого профессора и его уничтожением) вампир их общим разумом познал все то, что профессор успел почерпнуть из книги с серебряными накладками.

Все – но этого было недостаточно. Место происхождения Владыки (так называемое Черное урочище) в момент обращения профессора оставалось ему неизвестно. Эта досаждало вампиру, но еще доказывало, что сплоченной группе его врагов оно тоже не известно. Сетракян единственный среди людей владел уникальными знаниями по фольклору и истории черных кланов, и эти знания, как пламя задутной свечи, погасли вместе с ним. Вампир был уверен, что даже с проклятой книгой в руках последователи Сетракяна не смогут раскрыть тайну «Люмена». Но координаты были необходимы и самому Владыке, чтобы гарантировать себе безопасность на веки вечные. Только глупец оставляет важные вещи на волю случая.

В миг обладания, этого беспримерного ментального единства с Сетракяном, Владыка узнал о соратниках старого профессора. Василий Фет, украинец. Нора Мартинес и Августин Элисалде.

Но самым важным был тот, с кем он уже успел познакомиться: доктор Эфраим Гудвезер. Владыка не предполагал, что Сетракян считал эпидемиолога сильнейшим звеном среди заговорщиков, и, узнав это, удивился. Даже притом, что у Гудвезера было немало уязвимых

мест (его характер, потеря бывшей жены и сына), Сетракян считал, что растлить его абсолютно невозможно.

Удивление Владыке не было чуждо; если существуешь веками, мрачные открытия для тебя не новость, но это не давало вампиру покоя. Как такое возможно? Вампир неохотно признавал, что высоко оценивает мнение Сетракяна как человека. Аналогично случаю с «Люменом» интерес Владыки к Гудвезеру проявился просто как некий раздражающий фактор.

Этот фактор превратился в наваждение.

Наваждение стало теперь одержимостью. Все люди в конечном счете сдались. Иногда, чтобы их сломить, требовались минуты, иногда дни, иногда десятилетия, но Владыка неизменно побеждал. Это была партия на выносливость. Временные возможности вампира были гораздо шире, чем у любого из людей, его мозг – гораздо изощреннее, к тому же он не знал ни надежд, ни заблуждений.

Именно эти мысли и привели Владыку к сыну Гудвезера. Именно по этой причине Владыка не обратил мальчика. По этой причине Владыка снимал астматические симптомы в легких Зака, жертвуя раз в неделю капелькой-другой своей драгоценной крови. Это имело и некоторый побочный эффект: позволяло заглядывать в теплый и пластичный разум Зака.

Мальчик чувствовал силу вампира, и тот пользовался этим, чтобы интеллектуально подчинить ребенка. Он опровергал его наивные мысли о божественном. Когда прошли страх и отвращение, Зак с помощью Владыки стал ощущать восхищение и уважение. Те назойливые чувства, что он испытывал к отцу, съезжились, как опухоль после облучения. Юный разум был податлив, как тесто, и вампир продолжал его месить.

Готовить его. Чтобы сознание, перебродив, начало подниматься.

Обычно Владыка ставил подобные цели в конце процесса растления. Но здесь у него появилась редкая возможность поучаствовать в растлении сына и некоего суррогата того, кто пользовался репутацией нерастлеваемого. Вампир мог ощутить это падение непосредственно через мальчика благодаря кровным узам. Владыка чувствовал конфликт, что переживал Зак в истории со снежным барсом, чувствовал его страх, его радость. Никогда прежде у Владыки не возникало желания подарить кому-либо жизнь, никогда прежде не хотел он, чтобы кто-то оставался необращенным. Вампир уже решил для себя, что тело мальчика будет следующим, в которое он переселится. К такой судьбе он и готовил Закарию. По своему опыту он знал, что не стоит переселяться в тело моложе тринадцати лет. С физической точки зрения преимущества включали быющую через край энергию, подвижные суставы, упругие мышцы, почти не требовавшие ухода. Но недостатки тоже имели место: ты переселялся в более слабое тело, структурно хрупкое, имеющее ограниченную силу. И хотя огромные размеры и сила не требовались теперь Владыке (как это было в случае с Сарду, в гигантском теле которого он проделал путь до Нью-Йорка и сбросил как старую кожу, после того как его отравил Сетракян), не требовалась ему и чрезвычайная физическая привлекательность и соблазнительность, как в случае с Боливаром. Это подождет... На будущее Владыка искал только одного – удобства.

Он мог видеть себя глазами Закарии, и это было весьма поучительно. Плоть Болиvara неплохо служила Владыке, и он с интересом отмечал, что мальчик реагирует на его внешность. Ведь Боливар представлял собой привлекательную личность. Артист. Звезда. А это в сочетании с темными талантами Владыки действовало на мальчишку безотказно.

То же самое работало и в отношении Владыки, который ловил себя на том, что говорит с Закарией не с высоты своего положения, а как старший с младшим. Подобный диалог был ему в диковинку. На протяжении многих веков он общался с самыми жестокими и безжалостными душами. Соглашался с ними, подчинял своей воле. В том, что касалось жестокости, он не имел себе равных.

Но энергия Зака была чистой, его существо имело сходство с существом отца. Идеальный объект для изучения и растления. Все это усиливало любопытство Владыки в отношении

молодого Гудвезера. Вампир за многие века довел до совершенства методику чтения человеческих мыслей не только в невербальной коммуникации (известной под названием «молчу»), но даже и при ее отсутствии. Специалисты по поведению могут предчувствовать или обнаруживать ложь по набору микрожестов. Владыка умел предчувствовать ложь за два мгновения до ее формирования. Не то чтобы это заботило его с нравственной точки зрения, но обнаружить истину или ложь в договоренности было для него жизненно важно. Это означало доступ или его отсутствие – сотрудничество или опасность. Люди для вампира были насекомыми, а он – энтомологом, живущим среди них. Энтомология утратила всякую притягательность для Владыки тысячи лет назад, но сейчас интерес к ней вновь проснулся. Чем больше пытался утаить от него Закария Гудвезер, тем больше удавалось ему выуживать из него, а юноша даже не подозревал, что сообщает собеседнику все, что тому нужно знать. Через молодого Гудвезера Владыка собирал сведения об Эфраиме. Забавное имя. Второй сын Иосифа и Асенефы, женщины, которую когда-то посетил ангел. Эфраим, известный только своими детьми, стигнувшими в библейских текстах без всякого смысла и цели. Вампир улыбнулся.

Таким образом, поиски продолжались на двух фронтах: Владыка искал «Люмен» с серебряными накладками, скрывавший тайну Черного урочища, а еще искал Эфраима Гудвезера.

Владыке не раз приходило в голову, что он обнаружит то и другое одновременно.

Он был убежден, что Черное урочище находится где-то поблизости. Все указывало на это, все улики вели сюда. Пророчество, которое заставило его пересечь океан. И в то же время рабы вели раскопки в разных отдаленных частях света – не обнаружится ли там что-нибудь. Делать это вынуждала его избыточная осторожность.

Черные скалы Негрила. Горный хребет Черные холмы в Южной Дакоте. Нефтяные поля в городе Пуант-Нуар⁵ на западном побережье Республики Конго.

Тем временем Владыка почти добился полного уничтожения ядерного оружия. Немедленно и повсеместно подчинив себе вооруженные силы путем прямого распространения вампиризма среди солдат и офицерства, он теперь имел доступ к арсеналам во всем мире. Полный захват и уничтожение оружия государств-изгоев, включая так называемые неподконтрольные ядерные боеприпасы, потребует еще некоторого времени, но конец уже близок.

Владыка оглядел каждый уголок своей планетарной фермы и остался доволен.

Он взял трость Сетракияна с рукоятью в виде волчьей головы – ту самую, что всегда носил при себе охотник за вампирами. Когда-то эта трость принадлежала Сарду, а впоследствии была переделана и оснащена потайным серебряным клинком. Теперь эта трость была обычным трофеем, символом победы Владыки. Столь малое количество серебра не беспокоило вампира, хотя он и избегал прикасаться к волчьей голове.

Владыка принес трость в башню замка – в самую высокую точку парка – и вышел под маслянистый дождь. За хилыми верхними ветвями голых деревьев сквозь густую дымку тумана и загрязненный воздух виднелись грязно-серые здания, Ист-Сайд и Вест-Сайд. В мерцающем изображении тепловидения перед ним представляли тысячи и тысячи пустых окон, похожих на холодные мертвые глаза мертвых свидетелей. Над ним баламутилось черное небо, проливая грязь на побежденный город.

Внизу, образуя дугу вокруг скального фундамента, стояли охранники замка числом в двадцать. За ними в ответ на телепатический зов Владыки на Большом лугу площадью в пятьдесят пять акров собралось целое море вампиров, каждый смотрел в его сторону черными лунами глаз.

Ни радостных криков. Ни приветствия. Ни ликования. Тихое, спокойное собрание, безмолвная армия, ждущая его приказа.

⁵ Этот конголезский город носит французское название, в переводе означающее «черный мыс».

Рядом появилась Келли Гудвезер, а следом за ней мальчик. Вампиру он вызвал, а мальчик пришел из чистого любопытства.

Приказ Владыки доходил до всех вампиров.

Гудвезер.

На зов повелителя никто не отозвался. Ответом будет действие. Придет время, и он убьет Гудвезера – сначала его душу, потом тело. Невыносимые страдания – вот что ждет человека.

Уж он об этом позаботится.

Остров Рузвельта

До того как на острове Рузвельта в конце XX века появились жилые кварталы, здесь размещалось городское исправительное учреждение, психиатрическая клиника, больница для зараженных оспой. Среди населения это место прежде было известно под названием «Социальный остров».

Остров Рузвельта всегда был пристанищем для нью-йоркских изгоев. Каким теперь стал и Фет.

Он решил, что лучше поселиться в изоляции на этом узком клочке суши длиной в три километра посреди Ист-Ривер, чем в уничтоженном вампирами городе или его зараженных пригородах. Жить в оккупированном Нью-Йорке ему было невыносимо. Страдающим водобоязнию стригоям этот спутник Манхэттена был ни к чему, а потому вскоре после захвата города они очистили остров от всех жителей, а дома сожгли. Подвесная канатная дорога к трамваю на Пятьдесят девятой улице была перерезана, мост на остров в район вокзала в Куинсе уничтожен. Под рекой проходила ветка F метрополитена, но станцию на острове надежно замуровали.

Правда, Фет знал иной путь из подводного туннеля в географический центр острова. Вспомогательный туннель, проложенный для обслуживания пневматического трубопровода уникальной островной системы сбора и утилизации мусора. Большая часть острова, включая и ныне разрушенные многоэтажки, из которых открывался великолепный вид на Манхэттен, лежала в руинах. Но Фет нашел несколько почти неповрежденных подземных квартир в роскошном комплексе, сооруженном вокруг Октагона, в прошлом главного здания психиатрической больницы. Там в укрытии руин он завалил ход на выгоревшие верхние этажи и соединил четыре подвальные квартиры. Водопроводные трубы и электрические кабели, проложенные под рекой, остались целы, и когда городские сети восстановили, у Фета появились электричество и питьевая вода.

В темноте дня контрабандисты высадили Фета с его русской ядерной бомбой на северной оконечности острова. Он извлек из схрона в больничном здании близ берега тележку из магазина строительных товаров и отвез бомбу, рюкзак и небольшой пенополистироловый охладитель в свое убежище.

Фет с нетерпением ждал встречи с Норой, у него даже голова кружилась от предвкушения. Так бывает, когда возвращаешься домой. К тому же она была единственным человеком, который знал, что он встречался с русскими, и потому он шел со своим грузом, как школьник, получивший отличную отметку и ждущий похвалы от родителей. Ощущение хорошо сделанного дела усиливалось предвкушением возбуждения и энтузиазма, с которыми встретит его Нора.

Но обугленная дверь, ведущая внутрь, в подвальное помещение, оказалась приоткрыта на пять-шесть сантиметров. Доктор Нора Мартинес никогда бы не совершила такой ошибки. Фет быстро вытащил меч из рюкзака. Ему нужно было закатить тележку внутрь, чтобы не оставлять под дождем. Он оставил ее в поврежденном пожаром холле и спустился по частично расплавленному лестничному пролету.

Василий открыл незапертую дверь и вошел. Его убежище не нуждалось в особых мерах безопасности, потому что было хорошо спрятано и потому что, кроме редких контрабандистов, рисковавших пройти вдоль побережья Манхэттена, ничья нога не ступала на остров.

Скромная кухня была пуста. Фет питался в основном снеками, украденными и накопленными после первых дней блокады, крекерами, батончиками мюсли, кексами «Литл Дебби», бисквитами «Твинки» – срок хранения всех этих продуктов либо истек, либо истекал, но, вопреки всеобщему убеждению, они оставались съедобными. Фет пытался ловить рыбу, но

сажистая речная вода настолько кишела водорослями и насекомыми, что никакие способы обработки не могли обеззаразить добытую в такой грязи еду.

Проверив на скорую руку кладовки, он прошел по спальне. Его вполне устраивали матрасы на полу, пока мысль о том, что Нора может остаться на ночь, не заставила его отправиться на поиски кровати. Скромная ванная, где Фет держал дератизационное оборудование, которое забрал с витрины своего прежнего магазина в Флэтлендсе (он никак не мог расстаться с этими предметами, сохранившимися от его предыдущей профессии), была пуста.

Через дыру, пробитую кувалдой, Фет нырнул в соседнюю квартиру – свой кабинет. Здесь в комнате стояли книжные шкафы, картонные коробки с книгами и рукописями из библиотеки Сетракияна, а в центре расположился кожаный диван под низкой лампой для чтения.

На точке около двух часов этой оформленной в виде круга комнаты стояла фигура мощного сложения и ростом под два метра. Лицо его пряталось глубоко в капюшоне, но глаза выдавали природу: красные и пронзительные. В бледных руках незваный гость держал блокнот, иписанный Сетракияном.

Это был стригой. Но одетый. В брюках, ботинках и свитере с капюшоном.

Фет обвел взглядом комнату – нет ли где засады.

Я один.

Стригой вложил слова прямо в голову Фета, и тот снова посмотрел на блокнот в руках незнакомца. Для Василия наследие Сетракияна было неприкасаемо. Вампир вторгся в святыню и мог легко уничтожить все. Такая потеря стала бы катастрофой.

– Где Нора? – спросил Фет.

Он двинулся на стригоя, вынимая из ножен меч со всей скоростью, на какую способен человек его сложения. Но вампир легко увернулся и одновременно бросил его на пол. Василий зарычал от злости и попытался схватить противника, но, что бы он ни делал, стригой отвечал блоком и травмирующим приемом, обездвиживая Фета и причиняя ему боль.

Я пришел один. Вы, может быть, помните меня, мистер Фет?

И Фет вспомнил, хотя и смутно. Он вспомнил, что этот стригой как-то раз прижимал кончик копья к его шее в старой квартире высоко над Центральным парком.

– Вы из охотников. Личных телохранителей Патриархов.

Верно.

– Но вы не исчезли с остальными.

Как видите, не исчез.

– Как-то вас называли – Кви... не помню.

Квинлан.

Фет высвободил правую руку и попытался ухватить существо за подбородок, но его запястье в мгновение ока схватили и вывернули. На сей раз было больно. Очень больно.

Я могу выкрутить вам руку или сломать. Выбирайте. Но подумайте вот о чем. Если бы я желал вам смерти, вы бы уже были мертвы. За долгие века я служил разным хозяевам, сражался во многих войнах. Я служил императорам, королевам и наемникам. Я убил тысячи таких, как вы, и сотни вампиров, вышедших из подчинения. Мне от вас нужна всего лишь минута спокойствия. Мне нужно, чтобы вы меня выслушали. Если нападете снова, я вас тут же убью. Мы понимаем друг друга?

Фет кивнул. Мистер Квинлан отпустил его.

– Вы не умерли с Патриархами. Значит, вы – один из расплода Владыки...

Да. И нет.

– Угу. Очень удобно. Не возражаете, если я спрошу, как вы попали сюда?

Ваш друг Гус. Патриархи приказали мне рекрутировать его в качестве охотника.

– Я помню. Эта мера оказалась недостаточной и запоздалой, как выяснилось.

Фет оставался начеку. Все как-то не складывалось. Коварство Владыки сделало его чересчур подозрительным, но именно благодаря своей подозрительности Фет и оставался живым и необращенным вот уже два года.

Я хочу посмотреть «Окцидо люмен». Гус сказал, что вы способны мне помочь.

– Пошел ты, – рявкнул Фет. – Только через мой труп.

Как ему показалось, мистер Квинлан улыбнулся.

Мы преследуем одну цель. А я более искушен в том, что касается расшифровки книги и рукописей Сетракияна.

Стригой захлопнул блокнот старика – тот, который много раз перечитывал Фет.

– Интересно?

Вот уж правда. И поразительно точно. Профессор Сетракиян был человеком ученым в той же мере, что и хитроумным.

– Он был мужик что надо. Тут нет сомнений.

Однажды мы с ним чуть не встретились. Километрах в тридцати к северу от Котки в Финляндии. Он как-то выследил меня. В то время я с подозрением относился к его намерениям, как вы можете себе представить. Задним умом понимаю, что он был бы великолепным собеседником за обедом.

– В отличие от еды, – сказал Фет, подумав, что ему стоит подвергнуть Квинлана быстрому испытанию. – Озриэль, верно? Так зовут Владыку?

Он указал на блокнот в руках Квинлана. Фет взял в путешествие копии нескольких страниц из «Люмена», чтобы изучать, как только выдастся свободная минута. На одной из этих страниц было изображение, на котором сосредоточился Сетракиян, впервые заполучив книгу. Изображение архангела, Сетракиян назвал его Озриэлем. Старый профессор нарисовал на этой странице алхимический символ из трех расположенных треугольником полумесяцев, вместе они образовали что-то вроде знака биологически опасного вещества.

– Старик называл Ози ангелом смерти.

Теперь его величают Ози?

– Прошу прощения. Это прозвище такое. Значит, именно Ози и стал Владыкой?

Отчасти да.

– Отчасти?

Фет опирался на меч, как на трость, серебряное острие оставило еще одну отметину в полу.

– Видите ли, у Сетракияна были бы к вам тысячи вопросов. А я – я даже не знаю, с чего начать.

Вы уже начали.

– Пожалуй. Черт, где вы были два года назад?

Мне нужно было закончить кое-какую работу. Сбор.

– Сбор чего?

Праха.

– Ясно, – кивнул Фет. – Это связано с Патриархами. Вы собирали их останки. В Старом Свете было три Патриарха.

Вы знаете больше, чем вам кажется.

– И все же этого мало. Понимаете, я сам только что вернулся из путешествия. Пытался выяснить, откуда взялся «Люмен». Тут тупик... Но зато мне попало кое-что другое. Возможно, что-то важное.

Фет подумал о бомбе, а это навело его на мысль о возбуждении, которое он почувствовал, приближаясь к дому, и тут он вспомнил про Нору. Василий подошел к ноутбуку на столе, пробудил его от недельного сна, проверил зашифрованный чат. Никаких сообщений от Норы вот уже два дня.

– Мне нужно идти, – сказал он мистеру Квинлану. – У меня к вам много вопросов, но, возможно, случилось что-то непредвиденное. Я должен увидеть кое-кого. Полагаю, вы не собираетесь ждать меня здесь?

Нет. Я должен получить доступ к «Люмену». Эта книга, как небеса, написана на языке, вам недоступном. Если дадите ее мне... то в следующую нашу встречу я могу обещать вам план действий...

Фет испытал непреодолимый позыв поспешить, внезапное ощущение опасности.

– Я должен поговорить с остальными. Я один не могу принять такое решение.

Мистер Квинлан оставался неподвижен в полумраке.

Вы найдете меня через Гуса. Только знайте, у нас очень мало драгоценного времени. Если когда и возникала ситуация для решительных действий, то именно сейчас.

Первая интерлюдия

История мистера Квинлана

Сороковой год нашей эры, последний полный год царствования римского императора Гая Калигулы, был отмечен чрезвычайными проявлениями гордыни, жестокости и безумия. Император стал выходить на публику, облаченный в одежды одного из богов, а в различных документах той поры его называли Юпитером. Он приказал убрать головы со всех статуй богов и заменить скульптурными изображениями собственной головы. Он заставил сенаторов поклоняться ему, как богу во плоти. Одним из этих римских сенаторов был его конь Инцитат.

К императорскому дворцу на Палатине было пристроено крыло, соединяющее его с храмом, возведенным специально для поклонения Калигуле. При императорском дворе был раб, бледнолицый, темноволосый мальчик пятнадцати лет, призванный новым богом солнца по просьбе прорицателя, которого после этого никто больше не видел. Император дал ему имя Фракс.

Согласно легенде, Фракса обнаружили в заброшенной деревне в дикой глуши далеко на Востоке. В этих холодных краях обитали только варварские племена. Несмотря на невинную, хрупкую внешность, он имел репутацию существа крайне жестокого и коварного. Некоторые говорили, что он наделен пророческим даром; Калигула был очарован мальчиком. Фракса видели только по вечерам, обычно он сидел подле Калигулы, для человека столь молодого он пользовался огромным влиянием. Или же в одиночестве находился в храме, при лунном свете его бледная кожа светилась, как гипс. Фракс говорил на нескольких варварских языках и быстро освоил латынь и науки – его ненасытность к знаниям была сравнима разве что с его жестокостью. Он быстро приобрел в Риме зловещую репутацию, и это произошло в те времена, когда жестокость считалась не пороком, а лишь средством достижения успеха. Он давал Калигуле политические советы и с необыкновенной легкостью кому-то даровал милости императора, а кого-то лишал их. Не считаясь ни с чем, он настоятельно рекомендовал императору приобрести божественный статус. Их можно было увидеть вместе на трибунах Большого цирка, где они во время скачек болели за лошадей римских «зеленых» конюшен. Даже ходили слухи, что после проигрыша их команды именно Фракс предложил отравить лошадей из конюшен соперников.

Ни Калигула, ни Фракс не умели плавать, и именно Фракс толкнул императора на самое большое безрассудство его царствования – сооружение временного плавучего моста длиной более двух миль; мост состоял из кораблей, которые использовались как понтоны и соединяли портовый город Байи с портовым городом Поццуоли. Фракс отсутствовал, когда Калигула торжественно проскакал на коне Инцитате через залив Байи, облаченный в подлинный нагрудник Александра Македонского. Правда, потом говорили, что бывший раб по вечерам не раз пересекал залив по этому мосту, неизменно на носилках – их несли четыре раба в великолепных одеяниях, и двигалась эта нечестивая *sedia gestatoria*⁶ под охраной десятка меченосцев.

Обычно раз в неделю Фраксу в его украшенные лепниной и золотом покои, располагавшиеся под храмом, приводили тщательно отобранных рабынь. Он требовал, чтобы все они были девственницами, абсолютно здоровыми и не старше девятнадцати лет. Для отбора в течение недели использовались крохотные тампоны с потом девушек. Перед полуночью седьмого дня прочная деревянная дверь запиралась изнутри.

Первое убийство происходило в центре помещения на зеленом мраморном пьедестале с барельефом, изображающим массу тел, которые корчатся в страхе, воздевают в мольбе к небе-

⁶ Переносной трон для перевозки римских пап, разновидность паланкина (*ит.*).

сам взоры и руки. Два сточных лотка у основания направляли поток рабской крови в золотые чаши, инкрустированные рубинами и гранатами.

Фракс появлялся из прохода в одной набедренной повязке и тихим голосом приказывал рабыне подняться на пьедестал. И там он опустошал ее перед семью бронзовыми зеркалами, висящими на стенах, – проникнув в ее шею с помощью жала, он свирепо впивался в нее. Это опустошение было таким неожиданным, таким быстрым, что никто даже не успевал заметить, как обмякают вены под кожей рабыни, как в считанные секунды ее плоть теряет цвет. Жилистые руки Фракса с огромной силой умело держали туловище рабыни.

Насладившись паникой, он быстро атаковал следующую жертву, вкушал ее кровь и жестоко убивал. Затем следовала, третья, четвертая и так далее, пока не оставалась последняя, которая от ужаса уже совсем теряла голову. Последнее убийство было для Фракса самым сладким из всех. Оно давало насыщение.

Но как-то вечером зимой Фракс перед убийством последней рабыни вдруг остановился – он почувствовал дополнительную пульсацию в ее кровотоке. Он пощупал ее живот через тунику и обнаружил, что тот твердый и увеличенный. Убедившись, что она беременна, Фракс жестоким ударом сбил ее с ног, разбил до крови рот, потом пошел за золотым кинжалом, который лежал рядом с горой свежих фруктов. Его умело нацеленный в шею удар был отражен ее голой рукой – кинжал лишь задел мышцы и прошел в каких-то миллиметрах от сонной артерии. Фракс нанес было еще один удар, но девушка отбила и его. Несмотря на всю его ловкость и умение, он в этом противостоянии был в невыгодном положении – его подростковое тело еще не развилось в полной мере, оставалось слишком слабым, невзирая на отточенность движений.

После этого Владыка решил никогда больше не вселяться в тела моложе тринадцати лет.

Рабыня рыдала и умоляла пощадить ее и нерожденного ребенка, и все это время соблазнительная кровь сочилась из ее раны. Она взывала к своим богам. Но ее мольбы ничего не значили для вампира – они были всего лишь частью трапезы: шипением бекона на раскаленной сковороде.

В этот момент дворцовая стража принялась стучать в дверь. Им был отдан строгий приказ – никогда не прерывать еженедельную церемонию, и Владыка понимал, что, зная его склонность к жестокости, они ни за что не стали бы ломиться к нему, не имея на то веских оснований. Поэтому Владыка отпер дверь, впустил их, и они стали свидетелями жуткой сцены. Долгие месяцы службы во дворце приучили их к подобным жестокостям и извращениям. Они сообщили Фраксу, что на Калигулу совершено покушение, но он остался жив и теперь призывает его к себе.

Рабыню необходимо было убить, ее беременность прервать. Этого требовали правила. Но Владыка не хотел лишаться еженедельного удовольствия, а потому приказал страже охранять дверь до его возвращения.

Выяснилось, что так называемый заговор был всего лишь приступом императорской истерии, приведшим к убийству семи ни в чем неповинных гостей его оргии. Фракс вскоре вернулся в свои покои и обнаружил, что, пока он успокаивал бога солнца, центурионы с целью подавления несуществующего заговора зачистили территорию дворца, включая и храм. Беременная рабыня – зараженная, раненая – исчезла.

На рассвете Фракс убедил Калигулу отправить воинов в близлежащие города, чтобы те настигли рабыню и возвратили ее в храм. И хотя воины буквально прочесали местность, беглянку так и не нашли. Когда опустилась темнота, Фракс сам отправился на поиски женщины, но отпечаток, оставленный им в ее мозгу, был слабым, что объяснялось ее беременностью. В то время Владыке было всего несколько сотен лет, и он, случалось, совершал ошибки.

То упущение несколько веков грызло вампира. В первые месяцы нового года Калигула и в самом деле был убит, а его преемник Клавдий после недолгой ссылки захватил власть,

заручившись поддержкой преторианской гвардии, и изгнанный жестокий раб Фракс пустился в бег.

Беременная рабыня продвигалась на юг, в землю своих близких. В лунную ночь она родила бледного, почти прозрачного мальчика с кожей цвета мрамора. Это случилось в пещере посреди оливковой рощи близ Сицилии, и они долгие годы охотились в этих засушливых землях. Физическая связь между рабыней и ребенком была слабой, и хотя они оба питались людской кровью, мальчику не передался возбудитель вируса, необходимый для обращения жертв.

Рожденный рос, и рос быстро, а по Средиземноморью распространялись слухи о демоне. Наполовину человек, он некоторое время мог оставаться на солнце без вреда для себя. Но в остальном, оскверненный проклятием Владыки, он обладал всеми вампирскими свойствами, исключая поработительную связь со своим создателем.

Но уничтожение Владыки привело бы и к его гибели.

Десять лет спустя, возвращаясь перед рассветом в свою пещеру, Рожденный почувствовал чье-то присутствие. Во тьме пещеры он различил темную фигуру – она шевелилась, наблюдала за ним. Он услышал голос матери, затухающий в нем, затем ее сигнал исчез. Мальчик сразу же понял, что произошло: он не знал, кто затаился в пещере, но ему стало ясно, что это существо прикончило его мать... а теперь поджидает его. Даже не видя своего врага, Рожденный чувствовал его безграничную жестокость. Без малейших колебаний ребенок развернулся и бросился навстречу единственному своему спасению – лучам восходящего солнца.

Рожденный выживал как умел. Питался падалью, охотился, иногда грабил путешественников на перекрестках сицилийских дорог. Вскоре его поймали, и он предстал перед судом. Его отправили в гладиаторы и обучили искусству боя. На показательных выступлениях Рожденный побеждал всех противников – будь то люди или животные, и его сверхъестественные способности и необычная внешность привлекли внимание сената и римской армии. Накануне церемонии клеймения множество недоброжелателей, завидовавших его успехам, устроили засаду. В ходе схватки он получил немало смертельных ранений, которые почему-то не убили его. Он быстро залечил раны, после чего его сразу же удалили из гладиаторской школы. Его взял к себе сенатор Фауст Серторий, поверхностно знакомый с темными искусствами и имевший обширную коллекцию примитивных артефактов. Сенатор признал в гладиаторе пятого бессмертного, порожденного человеческой плотью и вампирской кровью, а потому тот получил имя Квинт Серторий.⁷

Этого необычного peregrinus⁸ взяли в армию, сначала в auxilia,⁹ но вскоре повысили, и он оказался в третьем легионе. Под знаменем Пегаса Квинт пересек море и воевал в Африке со свирепыми берберами. Он безупречно овладел pilum, удлиненным римским копьем, и поговаривали, что он может бросить его с такой силой, что убьет лошадь на полном скаку. Он овладел двусторонним стальным мечом, который назывался gladius hispaniensis¹⁰ и был выкован специально для него – без серебряных украшений, с костяной ручкой из человеческого бедра.

На протяжении десятилетий Квинт одерживал множество побед, проходил от храма Беллоны до Триумфальных ворот, служил со многими поколениями и при различных правителях по воле всех императоров. Слухи о его долголетию добавляли таинственности его образу, и окружающие побаивались его и восхищались им. В Британии он сеял ужас в сердцах и умах сражающихся против римлян пиктов. Среди германских гамабрийцев¹¹ он был известен как

⁷ Quintus на латыни означает «пятый».

⁸ Чужеземец (лат.).

⁹ Вспомогательные войска (лат.).

¹⁰ Испанский меч (лат.).

¹¹ Гамабрийцы – германское племя, упомянутое в «Географии» Страбона.

Стальная Тень, а одного его присутствия было достаточно, чтобы на берегах Евфрата воцарился мир.

Квинт являл собой внушительную фигуру. Из-за мощного сложения и неестественно бледной кожи он походил на живую дышащую статую из чистейшего мрамора. Все в нем было бойцовским, военным, и держал он себя необыкновенно уверенно. Он шел впереди в любую атаку и последним покидал поле боя. Первые несколько лет он собирал трофеи, но поскольку бойня не прекращалась и побрякушки становились неподъемными, он потерял к ним интерес. Он разложил правила ведения боя на пятьдесят два компонента, сведя сражение к балетной точности, повергающей его противников менее чем за двадцать секунд.

На каждом этапе своей карьеры Квинт чувствовал преследование Владыки, давно уже покинувшего пятнадцатилетнее тело раба Фракса. Нередко он попадал в засады (которые, впрочем, обнаруживал заранее), подвергался атакам рабов-вампиров и очень редко – прямым нападениям Владыки в различных обличьях. Поначалу Квинт не знал причину этих атак, но со временем его заинтересовал организатор. Римская военная выучка диктовала ему манеру поведения: если чувствуешь угрозу, переходи в наступление, а потому в поисках ответа он стал выслеживать Владыку.

В то же время подвиги Рожденного и необыкновенные легенды о нем привлекли внимание Патриархов, которые обратились к нему как-то вечером в разгар сражения. Благодаря встрече с ними Рожденный узнал правду о своем происхождении и историю отбившегося Патриарха, которого они называли «Младший». Они показали Квинту многое, исходя из предположения, что, узнав их тайны, Рожденный присоединится к ним.

Но Квинт отказался. Он отвернулся от темного ордена вампирских повелителей, наделенных такой же чудовищной силой, как и Владыка. Квинт всю жизнь провел среди людей и хотел приспособиться к жизни среди них. Он хотел исследовать эту половину своего «я». Несмотря на то что Владыка оставался для него постоянной угрозой, он пожелал жить бессмертным среди смертных, а не полукровкой (как он тогда думал) среди чистокровных.

Рожденный по недосмотру, Квинт был неспособен к воспроизводству. Он был неспособен к деторождению и никогда не мог заявить свои притязания на женщину. У Квинта не было и того возбудителя, который позволял бы ему передавать инфекцию или подчинять людей своей воле.

В конце своей военной карьеры Квинт получил должность легата и плодородный участок земли, а к этому в придачу даже семью – молодую вдову-берберку с оливковой кожей, темными глазами и дочерью. В ней он нашел привязанность, близость и даже любовь. Темнокожая женщина пела прекрасные песни на своем языке и убаюкивала его в глубоких подвалах их дома. Во времена относительного мира они содержали дом на берегу Южной Италии. Но однажды ночью в его отсутствие в дом наведася Владыка.

Квинт вернулся домой и обнаружил, что семья обращена и поджидает его вместе с вампиром. Квинту пришлось сражаться со всеми – он убил свою одичавшую жену и ее чадо. Ему едва удалось выжить в схватке с Владыкой, который в то время вселился в такого же, как Квинт, legionera – самолюбивого безжалостного трибуна по имени Тацит. Невысокое, но плотное и мускулистое тело сулило Владыке хорошие перспективы в схватке. Низкорослых legionerov почти не встречалось, но Тацита приняли, потому что он был силен как бык. Мышцы бугрились на его толстых и коротких руках и шее. Из-за мощных плеч и спины он казался слегка горбатым, но теперь, возвышаясь над поверженным Квинтом, Тацит стал прямым и высоким, как мраморная колонна. Но Квинт был готов к столкновению – он его страшился и в то же время надеялся, что в один прекрасный день оно произойдет. В потайной складке ремня он прятал узкий серебряный клинок. Кожи Квинта металл не касался, а рукоять из сандалового дерева позволяла ему быстро извлекать оружие. Он вытащил клинок и нанес удар Тациту по лицу – рассек его глаз и правую скулу пополам. Владыка взвыл и прикрыл поврежденный глаз,

из которого вытекали кровь и стекловидная жидкость. Одним прыжком Владыка выскочил из дома и исчез в темном саду.

Придя в себя, Квинт почувствовал одиночество, которое с того времени не покидало его. Он поклялся отомстить существу, породившему его, пусть и ценой собственной жизни.

Много лет спустя, с наступлением христианской эры, Квинт вернулся к Патриархам, смирившись со своей природой. Он предложил им свое богатство, влияние и силу, и они приняли его как своего. Квинт предупредил их о вероломстве Владыки, и древние вампиры признали существование угрозы, но никогда не теряли уверенности, численно превосходя противника и будучи мудрее его годами.

Все последующие века Квинт не прекращал поисков, горя жаждой мести.

Но в течение следующих семи веков Квинт (впоследствии Квинлан) так и не смог подобраться к Владыке ближе, чем однажды ночью в Тортозе, в стране, ныне известной как Сирия, когда Владыка назвал его «сынок».

Сынок, такие долгие войны заканчиваются лишь взаимными уступками. Выведи меня на Патриархов. Помоги уничтожить их, и займешь надлежащее место рядом со мной. Стань принцем, которым рожден...

Владыка и Квинт стояли на кромке скалистого утеса, выходящего на огромный римский некрополь. Квинлан знал, что бежать противнику некуда, робкие лучи восходящего солнца уже жгли его кожу. Слова Владыки, чей голос помимо воли Квинлана вторгся в его голову, стали для него неожиданностью. И на мгновение (о котором он будет сожалеть потом всю жизнь) он почувствовал истинное единение с этим существом, вселившимся в высокое бледнокожее тело кузнеца, существом, которое было его отцом. Его настоящим отцом. Квинлан на мгновение опустил оружие, и Владыка быстро пополз вниз по стене скалистого утеса и вскоре исчез в системе склепов и туннелей.

* * *

Несколько столетий спустя из английского Плимута вышел корабль курсом на Кейп-Код в недавно открытой Америке. Судя по официальному грузовому манифесту, на судне было сто тридцать пассажиров, а в грузовых отсеках стояло несколько ящиков с землей. Тот же грузовой манифест заявлял, что в земле находятся луковицы тюльпанов – предположительно их владелец намеревался воспользоваться благоприятными климатическими условиями американского побережья. Однако реальность была куда мрачнее. Трое Патриархов и их верный союзник Квинлан довольно быстро обосновались в Новом Свете под покровительством богатого коммерсанта Килиена ван Зандена. Поселения в Новом Свете на самом деле представляли собой нечто вроде коллективной банановой республики, чьи методы ведения коммерции менее чем через два столетия породили сильнейшую на планете экономическую и военную державу. Впрочем, все эти методы были лишь прикрытием для настоящего дела, которым занимались под землей и при закрытых дверях. Все усилия вампиры сосредоточили на поисках «Окцидо люмена» в надежде на то, что в рукописи найдется ответ на единственный вопрос, тревоживший в то время Патриархов и Квинлана.

Как уничтожить Владыку?

Лагерь «Свобода»

Доктора Нору Мартинес разбудил пронзительный лагерьный свисток. Она лежала в брезентовой люльке-гамаке, подвешенной к потолку и плотно обволакивающей ее. Выбраться можно было, только ерзая под одеялом и продвигаясь ногами вперед.

Она встала и сразу же почувствовала: что-то не так. Повернула голову в одну сторону, в другую. Голова показалась слишком легкой. Ее рука тут же коснулась затылка.

Обрита. Обрита наголо. Это ее потрясло. Нора не страдала нарциссизмом, но Господь наградил ее великолепными волосами, и она носила длинную стрижку, хотя для профессии эпидемиолога это был не лучший выбор.

Нора обхватила голову, словно в приступе невыносимой боли, ощущая голую кожу там, где всегда были волосы. По щекам покатались слезы, и женщина внезапно почувствовала себя маленькой и (она не знала почему, но ощущение было точное) ослабевшей. Обрив ее наголо, они отобрали частичку ее силы.

Однако ее неустойчивое состояние объяснялось не только этим. Ее пошатывало, словно пьяную, она с трудом держалась на ногах. После унижительной процедуры приема в лагерь Нора, постоянно пребывавшая в тревоге, удивлялась, как ей вообще удалось уснуть. Собственно говоря, она вдруг вспомнила, что твердо решила не спать, чтобы узнать как можно больше о карантинной зоне, прежде чем ее переведут в общую зону лагеря, словно в насмешку названного «Свобода».

Но по вкусу во рту (ей словно засунули в рот кляп из чистого хлопчатобумажного носка) Нора поняла, что получила дозу наркотика. Они подмешали что-то в бутылку с водой, которую ей дали.

Ее распирала злость, частично направленная на Эфа. Нет, это непродуктивно. И Нора сосредоточилась на Фете, на своем по нему томлении. Она почти наверняка больше не увидит ни того ни другого. Если только не найдет способа выбраться отсюда.

Вампиры, которые заправляли в лагере (а может быть, их помощники-люди, служившие в «Стоунхарт групп»), благоразумно ввели карантин для новеньких. Лагеря такого рода были рассадником инфекционных заболеваний, способных уничтожить все население – драгоценный источник крови.

Через брезентовые клапаны на дверях в комнату вошла женщина, на ней был грязно-серый комбинезон, того же цвета и простого покроя, что и на Норе. Нора узнала ее – она видела эту женщину вчера. Ужасающе худая, кожа – прозрачный пергамент, морщины в уголках глаз и рта. Короткие темные волосы – похоже, близится время бриться наголо. И тем не менее по какой-то причине, непонятной Норе, женщина выглядела жизнерадостной. Она явно была в лагере чем-то вроде суррогатной матери. Звали ее Салли.

Нора, как и вчера, спросила ее:

– Где моя мать?

К лицу Салли прилипла улыбка, снисходительная и обезоруживающая.

– Как вы спали, миз Родригес?

Нора при регистрации назвала чужую фамилию, поскольку ее настоящая из-за связи с Эфом наверняка была в списке разыскиваемых.

– Спала я прекрасно, – сказала она. – Спасибо успокоительному, что было в воде. Я спросила вас, где моя мать.

– Я думаю, ее перевели в «Закат». Это что-то вроде содружества «Активная старость» при лагере. Таков заведенный порядок.

– А где это содружество? Я хочу увидеть мать.

– Это отдельная часть лагеря. Я полагаю, визит туда возможен, но не сейчас.

– Покажите мне, где она.

– Я могу вам показать ворота, но... сама я там никогда не была.

– Вы лжете. Или же сами в это верите. А это означает, что вы лжете самой себе.

Нора понимала, что Салли врет не намеренно, пытаясь ввести ее в заблуждение, а просто повторяет то, что ей говорят. Возможно, она понятия не имела о так называемом «Закате», и ей не хватало ума подозревать, что в этом «содружестве» происходит совсем не то, что подразумевает название.

– Прошу, послушайте меня, – сказала Нора, впадая в исступление. – Моя мать нездорова. У нее помутнение сознания. Болезнь Альцгеймера.

– Я уверена, за ней там хорошо присмотрят...

– Ее убьют. Ни минуты не колеблясь. Она бесполезна для этих существ. Но она больна. Она напугана, ей необходимо увидеть знакомое лицо. Вы меня понимаете? Я просто хочу ее увидеть. В последний раз.

Это, конечно, было ложью. Нора хотела вытащить отсюда их обоих. Но для этого нужно было сначала найти мать.

– Ведь вы же человек. Как вы можете делать это... как?

Салли протянула руку, чтобы утешительно – но механически – пожать локоть Норы.

– Там и правда условия получше, миз Родригес. Пожилые получают хороший паек, и за это у них ничего не требуют взамен. Откровенно говоря, я им завидую.

– Вы искренне в это верите? – удивленно спросила Нора.

– Там мой отец, – кивнула Салли.

Нора схватила ее за руку:

– Разве вы не хотите его увидеть? Покажите мне, где это.

Салли была крайне доброжелательна. До такой степени, что у Норы возникало желание отвесить ей оплеуху.

– Я знаю, как тяжело, когда разделяют с близким человеком. Но вам сейчас нужно сосредоточиться на другом – подумайте о себе.

– Это вы подмешали мне седатив в воду?

Безмятежность на лице Салли сменилась озабоченностью; возможно, ее взволновало психическое здоровье Норы, ее потенциал в качестве продуктивного члена лагеря.

– У меня нет доступа к лекарственным средствам.

– Вам они тоже дают препараты?

Салли никак не отреагировала на вопрос.

– Карантин закончен, – объявила она. – Теперь вы должны стать членом сообщества, а я должна познакомить вас с лагерем, помочь вам акклиматизироваться.

Женщина провела ее через небольшую открытую буферную зону под брезентовым навесом, защищавшим от дождя. Нора бросила взгляд на небо – еще один беззвездный вечер. На пропускном пункте Салли передала бумаги человеку лет пятидесяти, облаченному в докторский халат поверх грязно-серого комбинезона. Он просмотрел бумаги, окинул Нору взглядом таможенного контролера, потом пропустил их.

Несмотря на брезентовый навес, дождь доставал их – хлестал по ногам. На Норе были больничного типа тапочки на пористой подошве, на Салли удобные – хотя и промокшие – кроссовки «Сокони».

Тропинка, осыпанная каменной крошкой, вывела их на широкие круговые мостки у высокого наблюдательного поста, похожего на вышку спасательной станции.

Мостки образовывали своего рода развязку – от них отходили четыре другие тропинки. Неподалеку стояли сооружения складского типа, а за ними – здания, напоминающие производственные. Никаких указателей – только стрелочки из белого камня в осклизлой земле. Вдоль

тропинок висели низковольтные лампы, без которых передвижение людей было бы невозможно.

Вокруг развязки, словно часовые, стояли несколько вампиров, и Нора, увидев их, почувствовала холодок. Они, голые, белокожие, не были никак защищены от стихии, но при этом не испытывали ни малейшего неудобства. Черный дождь хлестал их по голым головам и плечам, струился по бледной плоти. Руки безвольно висели. Стригой с мрачным безразличием смотрели на проходящих людей. Они были и полицейскими, и сторожевыми псами, и камерами наблюдения.

– Служба безопасности подкрепляет и упорядочивает режим, – сказала Салли, почувствовав испуг и отчаяние Норы. – Что и говорить, здесь почти не бывает происшествий.

– Вы имеете в виду сопротивление людей?

– Я имею в виду какие-либо нарушения порядка, – пояснила Салли, удивленная предположением Норы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.